АНДРЕЙ СТОЛЯРОВ

МИР ИНОЙ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Три повести, рисующие картины возможного будущего. «Мелодия мотылька»: Человечество уже полностью живет в виртуале, который стал сильнее и красочнее реальности. Там можно все, и одновременно нельзя ничего. Там исполняются все желания, и ни одно из них не делает человека счастливым… «Мир иной»: Прорыв в виртуал и попытка построить в нем новое идеальное общество. Сможет ли оно существовать – ведь цифровой «град божий» висит в бездонной черноте виртуальной вселенной… «Звезды и полосы»: Сбой всемирной сети приводит к гигантским катаклизмам на всех континентах – рушится эфемерная империя Соединенных Штатов, испаряется с политической карты Израиль, раздвигаются желтые границы Китая, начинается революционное преобразование мира…

- Андрей Столяров
  -
  - Мелодия мотылька
  - Мир иной
- notes

Андрей Столяров
Мир иной (сборник)

© Столяров А. М., 2015
© ООО «Литературный Совет», 2015

* * *

Мелодия мотылька
Повесть

Сталкиваются они в Париже. Это обычный рутинный тур, которая фирма заказывает практически каждые выходные. Двадцать сотрудников, набранных из различных исследовательских отделов, двадцать сотрудниц из штата администрации, включенных по стохастической выборке. Сюжеты тоже чередуются произвольно. Сегодня это средневековый Лондон времен Ричарда III, далее – Рим эпохи блистательного императора Августа, затем – необитаемый остров, где в джунглях, у Рогатой горы, спрятаны сокровища карибских пиратов. И так далее, и тому подобное. Схема, впрочем, всегда одна и та же. Сначала ознакомительная экскурсия, иллюстрирующая правила местной жизни, потом – час личного времени, которое можно проводить как заблагорассудится. Возвращение – по цветовому сигналу. Курсор, указывающий место сбора, включается автоматически.

Сейчас это Париж периода Ришелье. Путаница узких улочек, вымощенных разномастным булыжником, цокот копыт, оглушительное чириканье воробьев, крики торговцев, выставивших вдоль стен корзины с пестрым товаром.

Конечно, в действительности это выглядело не так. Конечно, было грязнее, грубее, вульгарнее, непристойнее. Из канав, наверное, поднимались кошмарные запахи. На мостовой, вероятно, гнили очистки, которые выбрасывали прямо на улицу. Впрочем, кого волнует, как это было в действительности? Главное, чтобы картинка была красивой и вызывала желание заказать следующий тур. Тут дизайнеры, надо признаться, на высоте: небо – синее, солнце – по-весеннему яркое, чуть дымящееся, дама, которая уже некоторое время идет впереди, похожа на настоящую аристократку: осиная талия, бархатная пышная юбка, сложная прическа, открывающая тем не менее нежную кожу шеи. Что с того, что аристократки вот так, пешком, скорее всего, не ходили? Какое имеет значение, что без слуг, без сопровождения вооруженных мужчин они на улицах, вероятно, не появлялись? Да это вовсе и не аристократка. Это кто-то из корпорации, видимо, из их туристической группы. Просто такая у нее сейчас аватара. Это «изюминка», приключение, заложенное в сюжет данного тура. Наверное, надо ее догнать. Гликк ускоряет шаги, стукая подковками каблуков по булыжнику. На нем тоже, как полагается, костюм дворянина: кожаная,

вся в бисере, куртка, кожаные бриджи, заправленные в мягкие зеленоватые сапоги. Перевязь со шпагой, которая при каждом шаге бьет его по колену. Ничего, зато дама явно не против, чтобы он с ней поравнялся. Во всяком случае, с интересом посматривает назад. Сейчас она обернется и скажет умоляющим голосом: «Сударь, ради всего святого, мне нужна ваша помощь!..» А он ей мужественно ответит: «Всегда к вашим услугам, сударыня!..» Потом будет какой-нибудь особняк, веселый огонь в камине, легкий сумрак гостиной, кровать с балдахином, свешивающим прозрачные занавески.

Гликк вполне готов к такому повороту событий. Сколько раз и под сколькими балдахинами он уже побывал! Он уже поднимает руку к шляпе с пером. Но вот что значит дешевый тур уровня «С». Картинка вдруг тихо сминается, как будто ему под веки попали капли воды. Проходит волна, искажающая небо, дома, само сюжетное бытие. На Гликка даже накатывается головокружение. А когда окружающий мир вновь устанавливается, обретая покой, он видит, что дама, шедшая впереди, куда-то исчезла. То ли успела свернуть, то ли вообще перешла в другую сюжетную линию. Ее как будто и не было. Зато из переулка, открывшегося по левой руке, доносится отчаянный женский крик. Кстати, ничего неожиданного. Двое мужчин явного бандитского вида тащат куда-то девушку в порванном платье. Внешность мужчин, естественно, весьма характерная: оба сильно небритые, оба с дегенеративными лбами, делающими их похожими на зверей, оба в рваном обмундировании, пьяные, тупые, гогочущие, оба – нагло уверенные в праве жестокой силы. Девушке из их рук не вырваться. Она изгибается, но от этого только больше расходится слабенькая шнуровка на платье. Грудь уже почти полностью обнажена. Гликк не понимает – так это и есть запланированное приключение? Вызывает на всякий случай курсор. Курсор почему-то не откликается, хотя звуковой сигнал есть. Ладно, шпага как-то сама собой легко выскакивает из ножен. Навыков фехтования у него, разумеется, нет, но он надеется, что аватара, вписанная в эту эпоху, должна их иметь. И действительно, лезвие, чиркнув по воздуху, останавливает оба бандитских клинка… Вытаращенные глаза мужчин… Сопение… Багровые от натуги лица… Дальше же происходит то, чего он не ждет: шпаги соскальзывают, и длинная, видимо, острая грань располосовывает ему рукав выше локтя. Боль такая, что Гликк вскрикивает во весь голос… Что это?.. Такого просто не может быть!.. В туристическом, игровом, развлекательном туре его не могут убить… Его не могут даже сколько-нибудь серьезно задеть… Или он съехал в какой-нибудь боковой сюжет?..

От неожиданности Гликк оступается, чуть не падает, скользит по глине, нелепо взмахивает рукой – и тут, вероятно, срабатывают программные навыки аватары: шпага его натыкается на грудь одного из бандитов и, видимо попав между ребер, высовывается с другой стороны. Бандит две-три секунды стоит с вытаращенными глазами, а потом во весь рост, точно одеревенев, валится на булыжник. Второй, видя это, ошеломленно отскакивает и вдруг, будто гусеница, протискивается в узкую щель между домами.

С треском запахиваются над ними деревянные ставни. Жители города, настоящие или нет, не желают ввязываться ни в какие истории. Улица мгновенно опустевает. Девушку трясет так, что она едва держится на ногах. Бессмысленно теребит шнуровку, которая затянулась узлом, и неживым голосом повторяет:

– Что это?.. Что это?..

Прояснить она ничего не может. Совершала обычный тур, где было, как и у него, заложено некое приключение. Вдруг – наплыв, совершенно другая улица – хватают, грубо лапают, куда-то тащат.

Глаза у нее изумленно распахиваются:

– Ты ранен…

Огненная длинная боль снова взрезает ему руку чуть ниже плеча. На рубашке, где ткань дико вспорота, расползается отвратительное пятно.

– Спрыгиваем? – говорит он.

«Иконка» почему-то не загорается. Медный полированный позумент, вшитый в камзол, остается мертвым металлом. Девушка тоже напрасно царапает серебряную застежку.

В глазах у нее – отчаяние:

– Ну почему, почему?..

На этом, правда, все и заканчивается. Воздух бледнеет, как будто его прохватывает внезапный мороз. Выцветают средневековые краски, звуки превращаются в шорохи, утратившие какой-либо смысл. Тихий, но внятный голос шепчет ему в самое ухо:

– Ситуация под контролем. Откройте дверь, на которой начертан наш логотип…

Дубовая дверь, впрочем, распахивается сама. За ней обнаруживается коридор, освещенный плоскими матовыми светильниками. Их подхватывают двое людей в зеленых комбинезонах. Девушка напоследок приникает к нему и торопливо шепчет:

– Логин… Логин…

Их запястья соприкасаются. Тихонечко пипикает чип, сбрасывающий информацию. В кабинете, пугающем медицинской ослепительной белизной, его усаживают в кресло и быстро разрезают одежду. На плече у него в самом деле рана – как будто нож исключительной остроты вскрыл дряблые мышцы. Впрочем, рассматривать ее времени нет: продолговатый, в несколько слоев «санитар» охватывает плечо от шеи почти до сгиба руки. Края его сами собой поджимаются. Боль уходит как сон, который никакими усилиями не удержать. Тут же появляется в кабинете человек европейской внешности и, приветливо улыбаясь, приносит ему всяческие извинения от имени фирмы. Оказывается, в программе действительно возникла некоторая турбулентность: Гликка выбросило в сюжет, где он ни в коем случае не должен был пребывать. Человек заверяет его, что это исключительная ситуация. К сожалению, от спонтанных глюков не застрахована ни одна из имеющихся сейчас программных систем. Вам, разумеется, положена компенсация. Если не трудно, подпишите вот здесь, что вы не имеете к фирме никаких претензий…

Голос человека доносится как сквозь мембрану. Белизна кабинетных покрытий действует усыпляюще. У Гликка вновь, будто в обмороке, плывет голова. Наверное, «санитар», чтобы компенсировать стресс, ввел ему легкий наркотик. Он безудержно проваливается в небытие. Кабинет трансформируется, приобретая знакомые очертания дома. Помаргивает на стене индикатор. Сползает красная риска, указывающая на опасность. Теперь беспокоиться уже точно не о чем. Но прежде чем погрузиться в сон, скорее всего предписанный тем же автоматическим «санитаром», прежде чем сомкнуть веки, набрякшие тяжестью забытья, Гликк, будто очнувшись, вдруг вспоминает прикосновение ее губ.

Никогда раньше он ничего подобного не испытывал.

Некоторое время они переписываются. Текстовый формат, разумеется, неудобен, но таковы существующие традиции. Сначала предварительная информация, потом – визуал. Она сообщает, что ее зовут Зенна. Это рабочий логин, который поддерживается основными корпоративными коммуникациями. Проще всего контактировать через него. Он в свою очередь сообщает, что его зовут Гликк. Это тоже рабочий логин, который поддерживается их корпоративным доменом. Через него связь будет гарантированно устойчивой. Она также сообщает ему, что работает в фирме «Пелл-арт», специализация – офисные ландшафты, развертываемые по любым осям, стаж у нее уже

почти пять лет, ей осталось всего два года до квалификации по уровню «С». Она, конечно, не уточняет, что в действительности «офисные ландшафты» представляют собой последовательность изолированных виртуальных миров, замкнутых сетью так, чтобы получилась самодостаточная онтологическая цепочка. Существует корпоративная этика: на любую рабочую информацию наложен запрет. Он в свою очередь извещает, что работает в фармакологическом подразделении «Ай-Пи-Би», что его специализация связана с некоторыми автокаталическими реакциями, стаж у него составляет уже семь с половиной лет, фирма оформила ему уровень «С» еще полгода назад. В действительности «автокаталитические реакции» представляют собой попытку выделить вирус для управляемой трансгенной селекции: давний военный заказ, который финансируется сразу несколькими концернами. Об этом он ей, разумеется, не рассказывает. Он тоже знает, что такое корпоративный запрет. Почта проходит непрерывную сетевую цензуру: ключевые, «показательные» слова автоматически получают нагрузку в виде «флажков».

И, конечно, их переписка не содержит никаких географических сведений. Они их сами не знают – любая привязка к местности категорически запрещена. Гликк может только догадываться по цифровой части логина, что она, скорее всего, живет где-то в Европе. Что, впрочем, не обязательно: внешний, официальный логин может быть лишь прикрытием внутреннего. У него, во всяком случае, именно так. И потому Зенна тоже не представляет, где дислоцируется его рабочий реал. Может быть, в том же городе, за углом, а может быть, и на другом континенте.

Зато она сообщает, что у нее – корпоративный блок «Витас». Причем она уже сумела надстроить его объемным, по-настоящему меняющимся пейзажем. На пейзажи их фирма предоставляет солидные скидки, и потому блок выглядит так, словно собран из элитных программ. Гликк отвечает, что у него тоже корпоративный блок «Витас». Причем «Витас-бис», то есть с улучшенным модульным потенциалом. Пейзаж, к сожалению, самый стандартный, но присутствует дисконтное расширение, которое он постепенно индивидуализирует. В общем, ему тоже есть что показать.

Это воспринимается как приглашение. Через несколько дней, предварительно согласовав, она посещает его, и они целый вечер проводят друг с другом. Зенне нравится его «Сад камней»: двенадцать метров пространства, обсаженного декоративными пихточками. Чистенькие песчаные тропки, мрачноватые валуны,

кажется, с давних пор вросшие в землю. Все сделано очень грамотно. Здесь есть даже крохотный ручеек, падающий на лопаточки мельничного колеса. Пейзаж, правда, действительно подкачал: мутные, как сквозь пыльные стекла, очертания гор, сумеречный рассеянный свет, грубоватые облака, будто приклеенные к небосводу. Все это, впрочем, вполне поправимо. Гликк считает, что уже месяцев через пять сможет оплатить более реалистичный дизайн.

– Будет ветер порывами, – объясняет он Зенне. – А иногда, если захочется, будет накрапывать настоящий дождь…

Они сидят почти вплотную друг к другу. Зенна уже не в яркой туристической аватаре, а в обычной, которая, как он с радостью видит, не слишком от нее отличается. Разве что теперь она не в бархатном платье, пугающем пышными формами, а в домашнем комбинезоне теплого травяного цвета. Этот цвет, кстати, ей очень идет. Даже эмблема фирмы, вшитая чуть ниже плеча, кажется не опознавательным чипом, а продуманным украшением. Им как-то чрезвычайно легко разговаривать. Зенна рассказывает ему, что закончила обычный образовательный интернат, в старшей группе тесты выявили у нее склонность к визуалистике, и уже за три месяца до экзаменов она получила официальное приглашение от «Пелл-арт». Далее, как полагается, специальные корпоративные курсы, и вот уже пятый год она занимается исключительно офисными ландшафтами. Прошла путь от штрихового дизайна до динамического и от заготовок фактуры до сборки настоящих пейзажей. У нее уже даже есть собственный лейбл… Гликк в ответ рассказывает, что тоже закончил обычный образовательный интернат, только тесты выявили у него склонность к аналитическому мышлению. Кроме того, в старшей группе он самостоятельно прошел курс биохимии и о том, что его берут в «Ай-Пи-Би», знал по меньшей мере за год. Сейчас у него уже расширенная рабочая специализация, которая включает в себя даже основы менеджмента. Это, если говорить откровенно, очень хорошие перспективы.

Голоса у них звучат в унисон. Зенна иногда вскидывает глаза и смотрит так, будто Гликк возник ниоткуда. Зеленеют молодыми иголками веточки пихт, с поскрипывающего мельничного колеса срываются и падают в тень запруды сверкающие капли воды…

Далее Зенна приглашает его к себе. У нее – домик на берегу океана, который она показывает с нескрываемой гордостью. В отличие от его блока, целых две средних размеров комнаты и еще – веранда, ступеньки которой ведут на пляж, дышащий горячим песком. Стены домика – из костистых переплетений бамбука, справа и слева – пальмы, свешивающие с верхушек

перистые крылья листвы, океан вздымает хрупкие волны, окаймленные пеной, с равномерным шипением выталкивает их на пустынный берег.

Все это с отчетливой прорисовкой деталей, с жилочками, с ворсинками, с кварцевым, чуть дрожащим жаром песка. Гликк намеренно зачерпывает полную горсть и ссыпает обратно, развеивая невесомую струйку.

– И что, купаться здесь тоже можно?

Это неосторожный вопрос. Зенна слегка краснеет, будто ее застали врасплох, а затем путано объясняет, что собственно океан в ее реальность пока не включен. Она только-только погасила свой первый корпоративный кредит. Однако уже в ближайшее время, поскольку линия кредитования для нее вновь открылась, она намеревается выкупить всю лагуну вместе с прилегающей акваторией. Тогда, разумеется, можно будет и плавать, и даже ходить на яхте.

– Видишь там остров? Вот, вплоть до него все будет мое…

Они неторопливо гуляют по берегу. Колышутся листья пальм, торопится краб в кавернах розового известняка. До океана, кажется, – рукой подать, но Гликк знает – можно идти к воде целый день и все равно не дойдешь.

Пейзаж тем не менее впечатляет.

Здесь ощущается тот простор, которого недостает у него в горах.

– Здорово!.. – говорит он.

В тени пальм они пытаются целоваться. Но это не то, не то – как будто между ними тоненькая, но очень прочная полимерная пленка. Нет трепета, не бьется, как сумасшедшее, сердце. Их аватары, лишенные эмоциональных программ, не транслируют обертоны. Это просто прикосновение, просто механическое ощущение другого предмета.

Они, конечно, разочарованы.

– Ничего, ничего, – растерянно говорит Гликк. – Немного подожди. Мы все наладим…

Они совершают еще несколько развлекательных туров. Это достаточно дорого, поскольку корпоративный дисконт в частных поездках не действует. Приходится оплачивать их полную стоимость. Однако они на это идут: им хочется быть вместе.

Они подключаются к сказочному карнавалу в Венеции: надев яркие маски, танцуют вместе с толпой на пьяцца Сан-Марко. В Иерусалиме они радуются воскресению Иисуса Христа, а в Лапландии мчатся сквозь снежную ночь на санях, запряженных оленями. И наконец, на Празднике бабочек в Цзянь

Цумине, поднявшись на вершину горы, где расположен храмовый двор, они открывают лакированную шкатулку, внутри которой сидят два мотылька.

Это довольно дешевый тур. Мотыльки поэтому самые незатейливые – один красный, а другой желтый, дремлющие на зеленом шелке.

Кажется, что их никакими усилиями не разбудить.

Однако, когда Зенна, вытянув руку, немного встряхивает шкатулку, мотыльки, радостно затрепетав крыльями, уносятся вверх.

Звенят серебряные колокольчики. Монахи в длинных праздничных одеяниях кружатся как волчки, мелодично выкрикивая молитвы.

Мотыльки быстро растворяются в синеве.

А они еще долго стоят, обратив лица к небу…

Через несколько дней его вызывает к себе господин Кацугоси. Господин Кацугоси является в фирме старшим администратором. Это очень высокая должность, дающая право на участие в прибылях, и кабинет его, расположенный на восьмом этаже, выглядит соответственно: окно во всю стену, пропускающее естественный свет, гравюры на стенах, деревянный полированный пол, а справа от письменного стола – даже настоящий аквариум, подсвеченный хроматофорными лампами. Пучеглазые рыбы медленно, как во сне, исследуют замшелую пагоду. Развеваются вуали хвостов, посверкивает червонным золотом чешуя. Бог знает, сколько стоят эти живые диковины.

Пейзаж за окном тоже – самого высокого качества: частокол корабельных мачт и светлая дымчатая вода, сливающаяся с небесами. Время от времени от гавани отделяется грациозная шхуна и, надув паруса, бесшумно скрывается за горизонтом. Смотреть, вероятно, можно часами. Гликк где-то слышал, что господин Кацугоси считает этот пейзаж символом фирмы: мы тоже, подгоняемые ветром надежд, без устали стремимся за горизонт.

Правда, подумать об этом некогда. Гликку предложено сесть, и господин Кацугоси сразу же переходит к делу. Ровным голосом, который пугает сотрудников больше, чем гнев, он сообщает, что по результатам рутинного ежемесячного сканирования персональных коммуникаций система безопасности фирмы, кстати еще в прошлом году перешедшая на непрерывный цензурный режим, зарегистрировала контакты одного из сотрудников, логин «гликк/428.15.рпдф/11.л-сим», с наружным абонентом, не включенным в корпоративную сеть.

Идентифицировать абонента, к сожалению, не удалось: там хорошие шлюзы, браузеры, без взлома их не пройти. Однако по той части логина, которую дескриптор все же считал, было установлено, что исходный портал принадлежит фирме «Пелл-арт», специализирующейся в области промышленного дизайна. Фирма «Пелл-арт» в свою очередь принадлежит концерну «Ормаз», который занимается сетевыми маркетинговыми стратегиями, а концерн «Ормаз», как известно, входит в корпорацию «Би-Би-Джи», являясь фактически ее главным интеллектуальным подразделением. То есть мы имеем в наличии вольный или невольный контакт, подчеркиваю – несанкционированный контакт, с нашим основным конкурентом.

Господин Кацугоси брит наголо. Череп его такой гладкий и чистый, что кустики бровей на лице кажутся намеренным артефактом. Одет он в синее кимоно, стянутое сиреневым поясом, эмблема фирмы вышита на груди желтой шелковой гладью.

Она так и бьет в глаза.

Аватара у него изумительная. Гликк улавливает даже тонкий, напоминающий о весне запах духов. Этот запах приводит его в смятение. Всем известно, что господин Кацугоси благоухает весной лишь в состоянии крайнего недовольства. Обычно он источает горький перечный аромат. Сам Гликк, к сожалению, выглядит гораздо хуже: мешковатый бактерицидный комбинезон, изолирующие манжеты на горле, запястьях, лодыжках. Он ведь явился сюда прямо из рабочего сектора. И сейчас его беспокоят не столько несанкционированные контакты, о которых распространяется господин Кацугоси, сколько то, как будут ему квалифицированы потери режимного времени. С одной стороны, он не мог не явиться к господину Кацугоси по вызову, а с другой – каждый выход из рабочего сектора фиксируется автоматически. Товарищ Сю, который за этим следит, будет, разумеется, недоволен. Тем более что товарищ Сю, как и все китайцы, курирующие сектор исследований, мягко говоря, не любит японскую администрацию. Будет теперь вежливое шипение, суженные до щелочек, темные непроницаемые глаза, неприязненное принюхивание, как будто Гликк принес с собой в сектор враждебные запахи.

Между тем тон господина Кацугоси меняется. Он, по-видимому, тщательно изучал труд «Основы корпоративного управления», который красуется у него на столе, и потому знает, что к подчиненным следует относиться как к детям: за провинности поругать, но одновременно и обнадежить, чтобы сотрудник не пал духом. Порицание должно соседствовать с поощрением. И потому господин Кацугоси, чуть подавшись

вперед, задрав кустистые брови, произносит речь об имеющихся перспективах. По его словам, перспективы у корпорации великолепные: их последними разработками интересуются сразу несколько фармакологических групп, часть из них готова к непосредственному инвестированию в проекты, а другие предлагают свои ресурсы по сетевому распространению. Кроме того, недавно заключен договор с местным правительством. Корпорация обязуется финансировать ряд важных социальных программ: спорт, бесплатное профессиональное образование и так далее. Это значит, что мы получаем теперь значительные государственные преференции.

Господин Кацугоси не забывает и о теме беседы. С покровительственной улыбкой он сообщает, что Гликк, рабочий логин «гликк/ 428.15. рпдф/11.л-сим», имеет в своем отделе очень высокий рейтинг. Бонусы у него постоянно накапливаются, штрафных минусов за последние несколько месяцев практически нет. Предполагается, что по завершении текущего цикла исследовательских работ ему будет предоставлен «пакет-прим» корпоративного стимулирования: льгота на элитные эротические миры, льгота на аватару с повышенной сенсорной активностью. Для его возраста, для его стажа это показатели верхней части шкалы. Через три года он сможет претендовать на курс корпоративного менеджмента, а там уже и рукой подать до перехода на уровень «В». Единственный негатив в его личном профиле – то, что он до сих пор не женат. Неужели нет подходящих кандидатур? Ведь вы участвовали, если не ошибаюсь, уже в пятнадцати… м-м-м… семнадцати турах знакомств. И как? Ничего? Господин Кацугоси искренне сожалеет об этом. Зачем тогда фирма берет на работу молодых привлекательных девушек? Отдел персонала здесь явно не на высоте. Впрочем, господин Кацугоси считает, что выход есть. Он сегодня же пришлет Гликку, логин «гликк/428.15.рпдф/11.л-сим», особый фирменный каталог. Пусть Гликк его внимательно посмотрит, изучит. В случае положительного решения фирма обеспечит ему необходимые преференции.

Так этот разговор происходит. За все время беседы Гликк не произносит ни единого слова. Он только кивает, охваченный противным чувством беспомощности. Он точно крот, которого вытащили из норы на солнечный свет. Нет, даже не крот, хуже – детеныш крота. Он точно в обмороке, отключающем всякую мысль, и потому, когда вечером, возвратившись после работы в свой блок, начинает, скорей по обязанности, листать присланный каталог, у него, как чужие, не сгибаются пальцы, а буквы, тяжелые, цвета меди, не сразу складываются в слова,

которые можно воспринимать.

Каталог представляет собой довольно толстый альбом – в твердом кожаном переплете, стилизованном под европейскую старину. На обложке его светится гриф «Только для служебного пользования», а на первой странице мерцает предупреждение, что «копирование и распространение данных материалов категорически запрещено». Смысл такого предупреждения становится ясен через секунду. Каталог содержит фотографии девушек, собранных, вероятно, во всех подразделениях фирмы. Причем каждая фотография дана в трех версиях: просто портрет, затем снимок во весь рост, позволяющий оценить фигуру, и далее – та же девушка, но уже в обнаженном виде. В примечании, кстати, указано, что последнее изображение (срок просмотра его не более трех дней) вовсе не является непосредственной, то есть живой, фотографией, а представляет собой компьютерную реконструкцию, сделанную, правда, с вероятностью 99 %. Если же тронуть синюю кнопку с треугольным значком внутри, то фигура начинает медленно поворачиваться вокруг себя. Она дышит, вздрагивает, волнуется, смотрит прямо в глаза. Кажется, даже произносит какие-то неслышимые слова. Трейлер, сопровождаемый музыкальным бэкграундом, длится пятнадцать секунд.

Всего в альбоме около четырехсот объемных изображений. Гликк почему-то боится, что среди них окажется Зенна. Однако Зенны в альбоме все-таки нет. Зато на последней странице, тоже испускающей хрупкий музыкальный аккорд, перечисляются льготы, которые фирма предоставляет при заключении брака. Тут и трехдневный отпуск с сохранением средней зарплаты, и возможность оформления церемонии в одном из исторических мест (Саграда Фамилиа, Тадж Махал, Киото, Запретный Город, Московском Кремль), и однодневное свадебное путешествие практически в любую эпоху, в любую страну, и долгосрочный кредит на объединение персональных реальностей. Фирма предлагает даже версию физического переезда, правда, только лишь при условии, что брачный контракт будет через год юридически подтвержден обеими сторонами.

В общем, выбор чрезвычайно велик.

Весь вечер Гликк добросовестно листает альбом – иногда нажимает кнопки, рассматривает фигуры, сияющие светлым женским теплом.

И ничего этого как будто не видит.

Он пребывает не здесь.

Порхают в синеве мотыльки, красный и желтый. Кружатся монахи, по-молитвенному прижав ладони к глазам. Тоненько,

мелодично, словно воздух весной, звенят удивительные серебряные колокольчики…

Сначала идут два бронетранспортера: оливковые, громоздкие, неуклюжие, завывающие моторами, проминающие гусеницами асфальт, похожие на доисторических монстров, выползших из болот. Бронированные щитки посверкивают на них как тусклая чешуя, а оконца прицельной оптики взирают на окружающее с высокомерной жестокостью.

За бронетранспортерами движется пехотное подразделение. Солдаты – в мундирах, на которых металла больше, чем ткани. Они прижимают к себе прозрачные пластиковые щиты, а за спинами их – короткоствольные ружья, стреляющие газовыми разрядами. Такой разряд отключает человека минут на десять. Гликк знает об этом, он когда-то тестировал химические составляющие.

На лицах солдат – круговые очки, защищающие от ударов, на шлемах – трехцветная витая полоска, символизирующая чалму.

– Пуштуны, – объясняет Джилин. – Сегодня за Стеной будет жарко.

Он проводит рукой по воздуху, будто что-то вылавливая. Тотчас в некотором отдалении от столика повисает экран, очерченный голубоватыми искорками. Обозреватель в желтом пиджаке и зеленой рубашке сообщает, что во Втором промышленном секторе продолжаются незначительные беспорядки. Сейчас группы бесчинствующих хулиганов, кстати так и не выдвинувших никаких конструктивных требований, концентрируются у Западного прохода и, по-видимому, намереваются предпринять попытку штурма контрольно-оградительной полосы. Навстречу им выдвигаются силы поддержания внутреннего порядка. Ситуация находится под контролем. Оснований для беспокойства нет…

Теперь экран показывает картинку с другой стороны. Видно, как разъезжаются вправо и влево створки металлизированных ворот и те транспортеры, которые только что прошли мимо бара, выкатываются к толпе, размахивающей палками и арматурными прутьями. Солдаты смыкают щиты, просовывают дула ружей в специальные отверстия для стрельбы.

Толпа сразу же подается назад.

– Чего они хотят? – спрашивает Петтер, отхлебывая коктейль из баночки.

Джилин пожимает плечами.

– Безработица в «диких мирах» – сорок процентов.

Они просто не знают, куда себя деть.

– Зато у них – бесплатные трафики, – ухмыляется Петтер. Если бы у меня был бесплатный корпоративный трафик, я бы из дома не вылезал. Нашли дурака!..

Его розовая, будто у поросенка, физиономия выражает довольство. Поднеся баночку к толстым вывороченным губам, Петтер делает еще один хороший глоток. Фирменный коктейль, содержащий рекомендованные стимуляторы, тут же проступает у него на лбу и висках каплями пота.

– Здорово!.. – говорит он.

Изображение на экране снова прыгает. Крупным планом показан центр беснующейся толпы: искаженные ненавистью звериные рожи, низкие лбы, хрящеватые уши, шизофренические оскалы клыков. Их сменяет портрет солдата в траурной рамке – светлое юношеское лицо, глаза, взирающие на мир с гордостью и сознанием правоты.

– Только что к нам поступило трагическое известие, – сообщает обозреватель. – Рядовой внутренних войск Алир Муррахаш погиб, получив смертельную рану в столкновении с хулиганами. Виновные в нападении на солдата уже задержаны. Они предстанут перед военным судом… Посмотрите на нашего мужественного Алира!.. У него осталась жена и двое детей. Ему было всего двадцать три года!.. Он погиб за нашу свободу, за то, чтобы мы могли спокойно жить и работать!..

Джилин машет ладонью, будто отгоняя назойливого комара. Экран исчезает. Вместо него на столик опять обрушивается гул скомканных голосов. Бар, оформленный под пещеру, сегодня полон: между светящимися сталагмитами едва-едва протискиваются замотанные официанты. Ныряют над головами летучие мыши. Девица, стоящая на краю хрустального озерца, заламывает руки в бессмысленной музыкальной мольбе. Дизайн здесь самого высокого класса: даже сумрак в дальних концах пещеры кажется настоящим. И вместе с тем бар этот существует в реальности. Гликку, чтобы сюда попасть, требуется пройти целых четыре охраняемых корпоративных квартала – сначала низкие двухэтажные корпуса исследовательского отдела, потом – малый производственный сектор, обнесенный решетчатой чугунной оградой, далее – менеджерский квартал, куда заходить без приглашения не рекомендуется, и наконец – коттеджи технического персонала с обязательными цветниками, обозначающими участки владений. Четырежды у Гликка попискивал чип, сигнализируя о пересечении межзональных границ, четырежды считывались пароли, разрешающие свободное передвижение. Бар имеет только один существенный недостаток:

слишком близко к Стене, отделяющей территорию фирмы от «диких миров». Правда, пока еще ни одного прорыва из-за Стены не было. Да и как прорвать толщу, заделанную керамическими волокнами? Однако, как говорит тот же Джилин, все когда-нибудь случается в первый раз.

– Все когда-нибудь случается в первый раз, – говорит Джилин. – Лично я полагаю, что эту ситуацию можно рассматривать в следующих координатах. Был технический сбой, реальности совместились, начался резонанс, поскольку теперь оба сервера работали на один сюжет. Ты понимаешь?.. Отсюда – чрезвычайно сильное эмоциональное впечатление…

– Точно! – оживляется Петтер. – У меня такой случай был.

И, возбужденно жестикулируя баночкой, в которой поплескивается коктейль, он рассказывает, как в прошлом году его за удачное решение одной из рабочих проблем премировали элитным эротическим туром. Это, конечно, был не уровень «А», от них дождешься, но, знаете, тоже – вот ради чего следует жить!

Петтер размахивает руками, закатывает глаза, трясет головой, пытаясь передать тогдашние впечатления – надувает щеки, хлопает себя ладонями по ушам, громко причмокивает, стучит баночкой по тверди лысоватого черепа. Кажется, что он сейчас вскочит на стол и исполнит джигу, сшибая ногами пустую посуду. Гликк, загораживаясь от него, только морщится. Он слышал эту историю уже много раз и не верит, что вкус теплых губ можно передать через элитную аватару. А прикосновение, обжигающее как музыка, а взгляд Зенны, отчаянный, когда они расставались на пляже, а горячее сердцебиение, которое охватывает его при одном только воспоминании о порхающих в синеве мотыльках? Нет, все это не то, не то.

– Ну хорошо, – говорит Джилин. Он, как всякий индиец, умеет отступать перед непреодолимым препятствием. – Хорошо, давай посмотрим, что в этой ситуации можно сделать.

И, подняв, как штыри, оба указательных пальца, он доходчиво объясняет Гликку, что, например, в «диких мирах» тот просто не выживет. Нет у него таких навыков, которые следует приобретать еще в детстве, и программ таких нет, и взять их негде. Во всяком случае, на открытом доступе.

– Ха!.. «Дикий мир», – восклицает в свою очередь Петтер. И презрительно тычет пальцем туда, где только что искрился экран. – Ха!.. Ты хочешь жить в «диких мирах»?..

Что же касается венчурных фирм, спокойно продолжает Джилин, то это просто обманка, капканы, расставленные для дураков. Все венчурные фирмы давно скуплены

корпорациями. Подписав свободный контракт, ты в действительности начинаешь работать на тот же «Вейкон», «Зиб-Моддер» или «Би-Ти». С одной только разницей – платят тебе вдвое меньше. Соответственно, вдвое легче твой социальный пакет… И наконец, говорит Джилин, предположим, что ты и в самом деле устраиваешься в какую-нибудь приличную корпорацию. Кстати, препятствий тебе в этом чинить не будут – зайди на свободный рынок, посмотри предложения. Однако тут есть принципиальный момент. При переходе из одной фирмы в другую ты лишаешься корпоративного стажа, а значит и практически всех накопленных льгот. Первые три года (вспомни, как это было) тебе придется платить полную цену за все.

– Ха!.. – опять восклицает Петтер. – Ты даже нормальный коктейль не сможешь себе купить!..

Он с ужасом смотрит на опустевшую баночку, а потом, содрогнувшись, видимо, от такой перспективы, машет обеими руками мэтру, наблюдающему за залом.

– Эй!.. Эй!.. Эй!..

Мэтр Жосьен неторопливо кивает.

Тотчас подскакивает к столику официант с новым набором. Петтер вскрывает баночку и делает здоровенный глоток. У него вновь выступают светлые капли пота на лбу.

– Вот!.. А ты – ха! – мотыльки!..

Глаза у него становятся как стеклянные. Он откидывается на стуле и начинает нести обычную свою ахинею про Тайный ключ. Дескать, есть в одном из свободных миров такая тропочка, незаметная, ведущая через Бронзовый лес. Если его пройти, что, кстати, надо обязательно сделать от зари до зари, то откроется озеро, наполненное необыкновенно синей водой. Посередине озера – остров, всегда покрытый туманом, а посередине острова – камень, похожий на бычью голову. Из камня же торчит Тайный ключ. Вот это проход во все существующие миры – все коды доступа, все пароли, все трафики, все аватары… С Тайным ключом можно проникнуть в любой виртуал. Хоть в Шамбалу, которую охраняют альрауны, хоть в Аид, где на молекулярных пластинах хранятся копии всех живших душ…

Гликк слышал эту историю тысячу раз. Он отворачивается и смотрит в окно, где до Стены, образующей охранный периметр, тянутся кусты глянцевых роз. В действительности это тоже охранный барьер. Всякий, кто попытается его пересечь, получит дозу усыпляющего наркотика.

Что-то сверкает поверх стены. Часть кустов, ближе к дорожке, сминается, как будто их придавливает невидимый палец.

Вспучивается земля, переворачиваются в воздухе лохмы дерна. Свет в баре тускнеет. По всей картине – будто хлынул мазут – стекают черные неопрятные полосы. Гликк с изумлением смотрит на Петтера, который, оказывается, вовсе не швед, а то ли малаец, то ли индонезиец, причем весьма преклонного возраста. Джилин в свою очередь прижимает руки к лицу, однако все равно видно, что это девчонка явно европейского облика. Ей лет двадцать, не больше.

Впрочем, через мгновение все заканчивается. Опускаются жалюзи. Серверы восстанавливают исходный пейзаж. Мэтр Жосьен за стойкой поднимает ладони и поводит ими как фокусник, показывая, что все в порядке.

Только расползается по столу лужа из опрокинутых баночек.

Петтер резко отодвигается.

Щеки у него багровеют, а бледный пух вокруг лысины ощутимо шевелится.

– Что за хрень!.. – с негодованием говорит он. – Что это вообще за дела?.. Нельзя нормально провести вечер…

Конечно, ему следует хотя бы на секунду остановиться. Конечно, ему следует хоть чуть-чуть опомниться и немного подумать. Быть может, та цена, которую требуется заплатить, для мимолетного развлечения чересчур велика? Однако остановиться он уже не способен. Он уже не может ни думать, ни глянуть со стороны, ни трезво оценить ситуацию. Звенят шпаги, несущие на остриях быструю смерть, гремит музыка карнавала, взметывающая разноцветные маски, словно освобожденные души, летят мотыльки, чтобы через мгновение раствориться в заколдованной вечности. Это для него вовсе не мимолетное развлечение. Это жизнь, которая впервые приоткрывает некие загадочные пространства.

Они с Зенной снова едут в Венецию. Только это уже не общий, с корпоративными скидками, банальный ознакомительный тур, где можно для запланированного «приключения» оторваться от группы не более чем на час. Это так называемый «тур-интим»: сюжет здесь заранее не размечен, а разворачивается сообразно желаниям. Правда, стоит он столько, что в бюджете у Гликка образуется серьезная брешь. Тем более что для тура он, как впрочем и Зенна, заказывает себе аватару самого высокого класса. Разумеется, не уровень «А», где, согласно проспекту, обогащаются даже обыденные ощущения. Уровень «А» для него все-таки недоступен. Но это уже вполне приличная, продвинутая модель, гарантирующая, опять же согласно проспекту, весь чувственный диапазон.

Гликк с легким сердцем перечисляет деньги на счет.

И надо сказать, что ничуть не жалеет об этом. Уже первые впечатления, хлынувшие в него на набережной Гранд-канала, убедительно демонстрируют, насколько индивидуализированная аватара, подогнанная по скану личности, за что, собственно, и пришлось заплатить, превосходит по эмоциональной насыщенности стандартный туристический манекен, выдаваемый, правда и за гроши, в прежних корпоративных поездках.

Солнце как будто заново народилось: в пустотах улиц, в навесях необъятных небес сияет мягкий золотистый туман. Вода необыкновенно блестит, мосты, выгнувшиеся над ней, точно наколдованы снами. Арки манят прохладой, дворцы – сумрачной тишиной. Воздух же, трепещущий буквально от каждого шага, кажется пропитанным легким виноградным вином. В нем проступает даже некий ускользающий звон… В общем, был глухой, слепой, обмороженный, протискивающийся сквозь жизнь как неодушевленный предмет – стал зрячий, слышащий, необъяснимо живой, пробудившийся, вдыхающий счастливые подробности бытия.

Больше всего их будоражат прикосновения. Это уже не тупое механическое ощущение, свидетельствующее о том, что пространство рядом занято чем-то другим, а – горячее счастье, сердцебиение, близость, обжигающая, как огонь.

Они еле удерживаются, чтобы не начать целоваться – в первый же миг.

Именно так у них и было в Париже.

Правда, Джилин считает, что в Париже был просто механический резонанс.

Наложились и усилили друг друга два разных сюжета.

Но это – все равно, все равно!

Целое утро они неторопливо бродят по городу. Времени у них много, гостиница предоставляется им только во второй половине дня. Они стоят на мостах, под которыми проплывает плеск сонной воды, исследуют набережные, то и дело упираясь в неожиданные тупики, катаются на гондоле (что входит в оплаченную ими часть тура), бродят по пустынным палаццо, где мрамор залов, колонн, галерей сопровождает их эхом шагов. На пьяцца Сан-Марко они, купив хлебных зерен у продавца, бросают их голубям, которые слетаются к ним шелестящими стаями, а во Дворце Дожей, прямо во дворике, выпивают по чашке кофе, что тоже входит в оплаченную часть тура. Им никто не мешает. Город пуст, как ему и положено быть в индивидуальном сюжете. Редко-редко покажется вдалеке прохожий, впрочем тут же сворачивающий неизвестно куда, и еще

реже, реагируя на их приближение, улыбается им хозяин кафе или маленького магазинчика. Да и то понятно, что это чисто программный продукт – аватары, за которыми нет реальных людей. На них можно не обращать внимания. Пару раз проползают по небу слабенькие жемчужные облака, а ровно в полдень, когда они выходят к церкви Санта-Мария деи Мираколи, над ними начинается бесшумный солнечный дождь. Капли его посверкивают как бриллианты и испаряются еще в воздухе, не касаясь земли.

Все это необыкновенно красиво. Зенна говорит, что еще ни в одной поездке она ничего подобного не испытывала. Понимаешь – никогда, никогда!.. И Гликк тоже с радостью признается, что у него это впервые. Раньше он даже представить себе не мог, что такое индивидуальный тур. Правда, изредка легкой тенью, словно тающие в поднебесье меленькие жемчужные облака, проскальзывает по его сознанию мысль, что программа, автоматически отслеживающая коммуникации, уже, наверное, выбросила на дисплей пару тревожных флажков, сопроводив это, как положено, звуковыми сигналами. Господин Кацугоси, конечно, знает о его эскападе. Однако Гликка это пока не волнует. Это будет – потом, потом, еще неизвестно когда. Сейчас, в мареве солнца, преображающем мир, среди теплого камня и стеклянной воды это значения не имеет.

Тем более что наступает время гостиницы. Номер у них с двумя громадными окнами, сверкающими чистотой. Пейзаж выведен так, что смотреть на него можно до бесконечности: простертая к горизонту лагуна, узенькие, как лезвия, пирсы, нарезающие беловатую воду на лепестки, остров Сан-Джорджо Маджоре со вздымающейся на нем башней монастыря. Все – в золотистой дымке, почти неощутимом сиянии, в грезах странствий, где сливаются время и вечность.

А когда Зенна, порывисто, будто птица, вздохнув, почему-то зажмурившись, крепко обнимает его, окружающее вообще исчезает. Дымка с залива просачивается сквозь стены. Предметы развеществляются, выявляя свою зыбкую суть.

Правда, опять возникает у него предательское соображение, что ни он, ни Зенна тут ни при чем. Просто таковы возможности модифицированных аватар. И если когда-нибудь он получит полный менеджерский пакет, если он выйдет на уровень «В», где продвинутые аватары считаются в порядке вещей, то он каждый раз будет испытывать то же самое.

Не обязательно с Зенной. Можно и с любой другой женщиной.

Гликк гонит эти подозрения от себя.

Нет, нет, исключается, не может быть…

В оставшиеся полтора часа они вызывают юриста. Это предложение Зенны, которая в свою очередь консультировалась с кем-то из ближайших подруг: если официально объединить их реальности, то за трафик внутри этого общего мира, за персональные коммуникации не придется платить.

Гликк, кстати, тоже слышал что-то такое.

Он вовсе не против.

Наоборот.

Юрист оказывается строгой деловой женщиной средних лет, представляющей фирму, которая обеспечивает независимую юридическую поддержку. Одета она в темный костюм, что, видимо, положено по профессии, бесцветные волосы собраны на затылке в пучок.

Ситуация ей понятна с первых же слов. Да, действительно, в общей реальности, если таковая, конечно, официально зарегистрирована, трафик, то есть межличностный коммуникат, устанавливается по умолчанию и поддерживается автоматически. Говоря проще, за сексуальные и другие контакты между собой пользователям дополнительной платы вносить не нужно. Юрист готова составить для них типовой договор. Срок действия – год с возможностью его многократного пролонгирования. Объединение личных реальностей будет произведено в течение суток. Гонорар – в любой форме, налог не взимается. Корпоративные скидки для подобной трансакции составляют обычно от семидесяти до девяноста процентов.

– Сбросьте мне ваши данные, – предлагает юрист.

Несколько запинаясь, Гликк объясняет ей, что в данном случае речь идет о внекорпоративном объединении.

– Мы ведь имеем на это право? Вот, мы хотели бы знать, как такое объединение произвести…

Юрист их сначала даже не понимает.

– То есть вы хотите сказать… что… корпоративных преференций не будет?.. Вы собираетесь сами оплачивать счет?.. – в глазах у нее что-то мелькает. – Честно говоря, я с такой ситуацией сталкиваюсь в первый раз.

Она вытаскивает из кармана блокнот и отточенным ногтем касается его серой поверхности. По блокноту ползут снизу вверх ряды обозначений и цифр.

– Тогда это будет примерно так… И еще за юридическую поддержку – мы вводим ее отдельной строкой… Вот общий итог…

Вспыхивает длинный ряд цифр, и все сразу же становится

ясно. Столько им не собрать, даже если не есть, не пить, не дышать несколько лет.

Зенна кусает губы.

В глазах у юриста опять что-то мелькает.

– Подождите… Возможно, вы имеет право на получение государственных льгот… – она на секунду задумывается, острый ноготь ее вновь пританцовывает по блокноту. – Так… политически… как гражданин… вы зарегистрированы в Республике Танг… Правильно? – это она обращается к Гликку. – Скажите, вы принимали участие в последних выборах? Если вы голосовали за президента Кхонга Бупата, значит вы имеете право на государственное вспомоществование… Хотя, что это я?.. У вас же, скорее всего, корпоративный ангажемент. То есть, согласно договору с властями, гражданские и юридические права от вашего имени осуществляются корпорацией…

Она перелистывает страницу, сдвигает брови и вчитывается в ползущий текст.

– Должна вас разочаровать. Ваша фирма, оказывается, уже перерегистрировала свой офис. Со вчерашнего дня вы – гражданин Сидонийской агломерации Шаристан. Право на государственные дотации вы обретете только через пять лет. Зато у вас есть право на омовение в священном озере Мапу-Мапу, право на ежегодное возжигание Большого родового костра. В случае смерти ваш прах будет развеян над указанным озером, ваша душа таким образом воссоединится с Тиной Забвения…

– Спасибо, – говорит Гликк.

Юрист захлопывает блокнот.

– Сожалею, но в данной ситуации ничем помочь не могу. У вас теперь есть мой адрес, логин. В случае повторного обращения вы получаете скидку в двенадцать процентов.

Она выходит из номера, и тут же, словно так было задумано, раздаются мелодичные переливы курантов.

Часы, вероятно, бьют на пьяцца Сан-Марко.

Звон омывает город. Вспархивают в бледное небо тысячи голубей.

Гликк и Зенна с испугом глядят друг на друга.

Это означает, что их время заканчивается.

Он, в общем, знает, что ему следует делать. В первую очередь, вернувшись к себе из Венеции, он, стиснув зубы, отключает поддержку Сада камней. Ему безумно жаль этот сад. Тут каждое деревце, каждый куст «высажены» самостоятельно. Никаких типовых образцов, отлакированных до безжизненности. Никаких «модельных пейзажей», якобы спонтанно

подстраивающихся под пользователя. Ни хрена они в действительности не подстраиваются. Схема типового дизайна все равно проступает. А у него – каждая веточка растет по-особенному. Каждый листик, каждая былинка возле камней имеет свое лицо. Один ручей, в котором светится серебряная вода, стоил ему трех, нет – четырех месяцев напряженной работы. Зато и результат налицо: живой мягкий плеск наполняет дыханием весь пейзаж.

Это уже часть его самого.

Выхода, однако, нет. Он набирает стирающую команду, и сад медленно гаснет, будто погружаясь в забвение. Затем Гликк точно так же отключает всю аранжировку квартиры и комната превращается в тесный бетонный бокс, не имеющий даже окон. Впрочем, окна ему до сих пор и не требовались. Стоит кушетка, застеленная грубым коричневым покрывалом, висит на крючках одежда, ранее скрытая лаковыми обводами гардероба, подмигивает крохотным зеленым глазком встроенная в переднюю стену консоль центра коммуникаций. Ничего лишнего. Аскетическая простота типовой жилищной ячейки. Когда-то давно он с этого начинал.

К сожалению, он ничего не может сделать с уровнем потребления. Вот и теперь в нише доставки уже лежит целлофановый прозрачный пакет с новой рубашкой. Значит, срок годности предыдущей истек: хочешь не хочешь, ее придется бросить в утилизатор. И также, хочешь не хочешь, будет по утрам появляться коробочка с завтраком, содержащая «фирменную» витаминизированную бурду, а по вечерам – коробочка с ужином (если, конечно, не переключить ее, например, на доставку в бар), а по воскресеньям – обед, обогащенный набором микроэлементных добавок. Тут уж ничего не изменишь. Минимальный уровень потребления гарантируется договором.

Далее он посылает запрос на дополнительное рабочее время. Запрос немедленно удовлетворяют: фирма, разумеется, поощряет такие трудовые порывы. Теперь он большую часть времени проводит в лаборатории – из цветного тумана, представляющего собой нейтральный биохимический материал, пытается вылепить некие устойчивые конфигураты. Трудность здесь в том, что эти конфигураты в принципе не сбалансированы: при химической сборке они распадаются на отдельные функциональные группы. И другая трудность – их никак не удается алгоритмизировать, даже самый мощный «конструктор», поставленный на перебор вариантов, беспомощно зависает. Тут нужна интуиция, неожиданная догадка, тут необходимо творческое озарение, которое могло бы отсечь тупиковые версии. И кое-что у него,

кажется, вырисовывается. Он ведь неплохой биохимик, буквально «по запаху» чувствующий материал. И когда он транслирует свои модельные наработки в реальность, когда во вздутых цилиндрах, сделанных из фиолетового полихромированного стекла, словно в ретортах алхимика, начинается экспериментальный процесс, Гликк уже знает, каков будет итог. Он практически не ошибается. Техник, производящий анализ (в герметическом боксе, куда самому Гликку вход запрещен), лишь подтверждает его догадки.

Продолжается это чуть больше месяца. Каждый день – по двенадцать-тринадцать часов в стеклянном лабораторном отсеке. С Зенной за это время они видятся всего один раз. На деньги, сэкономленные после отключения декораций, Гликк заказывает себе персональную линию, гарантирующую приватность, и они три часа, как потерянные, уныло бродят по берегу. Шумят пальмы над головой, перебегает дорогу тот же заизвесткованный краб, океан, зеленоватый, ласковый, теплый, выкатывает на песок прозрачные волны.

О чем они говорят? Так, обо всем сразу. О том, как было в Венеции, и о том, как позванивали колокольчики на площади перед монастырем. О том, что Зенна тоже получила корпоративное предупреждение, и о том, что с нее сняты бонусы, которые она уже считала своими. Она советуется: быть может, и ей отключить визуальную аранжировку? Тогда они смогут встречаться, по крайней мере, раз в две недели. Гликк, однако, категорически возражает. Он не хочет, чтобы еще и она оказалась запертой в такой же ужасной, прямоугольной, тесной бетонной ячейке. К тому же это им ничего не даст. Персональная линия, связывающая два их мира, – это еще не все. Ты же знаешь, требуется другая рецепция…

Время от времени они не выдерживают и целуются. Зенна дрожит, задыхается, и все же – это не то, не то. Обычные аватары не передают всего комплекса ощущений. Как будто пьешь воду, а вместо нее – безвкусный горячий воздух.

Тогда уж лучше вообще не встречаться.

Зачем этот мир – пальмы, океан, желтый песок, – если мы вынуждены бродить по нему, будто куклы? Зачем это солнце, этот звон в голове, это безумное сердце?..

Надежда, впрочем, у них имеется. Те героические усилия, которые Гликк предпринимает в лаборатории, дают определенные результаты. Разноцветный туман начинает выделять из себя некие устойчивые организованности, а они в свою очередь складываются в отчетливые функциональные цепи. Это, разумеется, еще не конечный продукт – просто базовые полуфабрикаты, с которыми еще предстоит много работать.

Однако биохимические перспективы сборки уже просматриваются.

То есть успех очевиден. Весь отдел срочно переключают на это исследовательское направление. Гликка поздравляет сначала руководитель секции, немногословный товарищ Сю, а затем – господин Кацугоси, который произносит целую речь о коллективном долге и солидарности. Господин Кацугоси считает, что Гликк раскрыл в себе именно эти высокие качества. И наконец, на ежемесячном корпоративном мероприятии, где подводятся предварительные итоги и происходит распределение бонусов, после синтоистской молитвы, вознесенной пастором церкви Всевидящего Христа, к Гликку под сдержанное перешептывание приближается сам мейстер Ракоци, член Контрольной комиссии, член Совета директоров, и, благожелательно подняв брови, окрашенные флуоресцентной сурьмой, сообщает, что и Комиссия, и Совет весьма удовлетворены его последней работой.

– Продолжайте исследования в том же духе. Нам нужно принципиальное обновление рынка.

Мейстер Ракоци сегодня в строгом европейском костюме, на голове у него ермолка, стягивающая бритый, по традиции, череп, на ногах – расшитые бисером мокасины, а цвета фирмы обозначены ярким продолговатым значком на лацкане. Он ничуть не чурается рядовых сотрудников и в заключение исполняет вместе со всеми корпоративный гимн. Гликк даже слышит, как он немного фальшивит. У мейстера Ракоци, оказывается, неважный слух.

Однако когда вечером Гликк получает сводную ежемесячную распечатку, отражающую в наглядном масштабе приход и расход, выясняется, что весь его бонусный капитал погашен штрафными санкциями. Фактически у него остается только базовая часть зарплаты, которой еле-еле хватает, чтобы покрыть издержки существования.

Гликк тупо взирает на разноцветную гистограмму, повисшую в воздухе, проверяет, хоть это совершенно бессмысленно, все основные параметры, считывает предположительную динамику на ближайшие месяцы и вдруг резко, словно отвратительное пятно, смахивает ее ладонью.

Ситуацию ему проясняет Джилин. Он уже третий год, что весьма показательно, работает в отделе административных ресурсов и, получая сведения практически изо всех филиалов, может посмотреть информацию, к которой больше никто доступа не имеет.

По словам Джилина, ни злого умысла, ни каких-либо особых придирок здесь нет. Просто программа дисциплинирования, программа служебных мотивов, принятая в их фирме, построена так, что автоматически фиксирует все несанкционированные отклонения – сама их взвешивает согласно оценочному регистру, сама, в зависимости от нарушения, гасит премиальные бонусы. Ни господин Кацугоси, ни тем более мейстер Ракоци здесь ни при чем. Чтобы изменить базовые настройки, необходим специальный ордер Совета директоров. Ты ж понимаешь, никто этим заниматься не будет.

И еще Джилин говорит, что времена, когда человек сам устраивал свою жизнь, давно миновали. Теперь тебя с детства, сообразуясь с исходными данными, включают в определенный сюжет, и ты идешь по нему, как правило даже не подозревая, что существует нечто иное – что ты мог быть другим, что твоя жизнь могла сложиться иначе. Вырваться из предложенного сюжета практически невозможно. Да и какая разница – попадешь точно в такой же линейный, стандартизированный нарратив. Аранжировка, конечно, будет несколько отличаться, но содержание, смысл останутся теми же самыми. Ничего сделать нельзя. Лучше и не пытаться…

Так говорит Джилин. Гликку при всем желании не разглядеть в нем скрытую суть. Он по-прежнему видит индуса возраста примерно тридцати – тридцати пяти лет, с темной кожей, в голубоватой чалме, сдержанного, степенного, не делающего ни одного лишнего жеста.

Испуганная девушка мелькнула на мгновение и исчезла. Ничто ни в Джилине, ни в его аскетической пустоватой квартире не напоминает, что она когда-то была.

И вместе с тем Гликк ощущает, что с Джилином как-то не так. Возможно, говоря о переходе в другой сюжет, Джилин имел в виду самого себя. Гликк о таких случаях мельком слыхал. Корпорации иногда, если риск стоит того, перекупают чужих сотрудников. Прежде всего, конечно, как носителей информации. Однако операция эта обычно настолько сложная и дорогая, держится она в такой тайне и все ее следствия так тщательно зачищаются, что никогда ничего определенного сказать нельзя.

Так – слухи, догадки, разные фантастические истории.

Правда, понятно теперь, почему Джилин работает в отделе администрирования. И почему его персональная аватара не соответствует личности.

– Ну вот, – говорит Джилин, – теперь ты обо мне знаешь все. Болтать, надеюсь, не будешь. Это немедленно пресекут… А что касается данного случая, то, нравится тебе или нет, но я бы

посоветовал обратиться к психотерапевту компании. Сделают промывку мозгов, станешь как новенький…

– А тебе ее делали? – интересуется Гликк.

Джилин пожимает плечами.

– При смене сюжета это обязательная процедура. Не хватает еще – тащить за собой прежнюю жизнь.

Некоторое время они молчат.

Затем Джилин складывает руки крест-накрест, и на безымянном пальце его вспыхивает багровый рубин.

Не исключено, что Джилин ведет запись беседы.

Молчать ему, видимо, не тяжело.

Улыбка у него спокойная и приветливая.

Однако Гликку почему-то кажется, что Джилин сейчас закричит.

Выход, разумеется, есть. О нем знают все, кто достаточно давно работает в корпорации. На другой день после получения распечатки Гликк внезапно, чувствуя себя как во сне, подает в администрацию заявление, что хотел бы заключить военный контракт.

Господин Кацугоси этим очень доволен. Он опять произносит короткую, но весьма торжественную, вдохновенную речь, посвященную на этот раз долгу и чести. Долг, по мнению господина Кацугоси, заключается в беззаветном служении общему делу, а честь – в том, чтобы исполнить этот долг до конца. Превыше всего корпорация ценит в сотрудниках преданность, и нет лучшего способа ее проявить, чем военная служба. При этом господин Кацугоси, двигая кустиками бровей, не забывает упомянуть и о тех преференциях, которые военный контракт дает: зарплата вдвое больше стандартной, обязательные премиальные за каждое реальное боевое задание, дополнительные премиальные, которые начисляются по общему результату службы, наградные чрезвычайные выплаты за проявленные на заданиях доблесть и мужество. Кроме того, с сотрудника списываются все штрафные очки, он начинает жить заново, без прежних ошибок и прегрешений.

Контракт они подписывают самый обычный. Длительность его – месяц, который, согласно прилагаемому протоколу, распределяется так: десять дней дается на подготовку специализированной аватары, а за остальные двадцать дней службы Гликк обязан совершить двадцать (прописью – *двадцать*) нормативных вылетов. Из них восемь – учебно-тренировочного характера, а двенадцать – уже боевых, предполагающих вхождение в зону военных действий. У Гликка против этого

возражений нет. Он только просит, чтобы страховка, которая положена в случае гибели, была бы полностью перечислена на логин «зенна/631.11. рдшм/84.в-лекс». Вся сумма, полностью, без каких-либо отчислений. Этим господин Кацугоси уже не очень доволен. Нарушен священный принцип: деньги должны оставаться в фирме. С другой стороны, он наконец-то получает цифровую часть загадочного логина, а это значит, что теперь они могут вычислить и локализовать адресата.

В общем, согласие по данному пункту достигнуто. Полдня отпуска, положенные по контракту, Гликк проводит в баре с Петтером и Джилином. Конечно, он предпочел бы встретиться вместо этого с Зенной, но его нынешнего кредита, увы, недостаточно для оплаты даже самых простых визуальных коммуникаций. Личный счет у него и так близок к нулю, а аванс по контракту, к великому сожалению, не предусмотрен. Да и зачем им с Зенной встречаться? Опять – прогуливаться по берегу, слушая шуршание волн? Опять – касаться друг друга, практически не ощущая прикосновений?

Нет уж, лучше не надо.

Зато коктейль в этот вечер, по традиции, идет за счет фирмы, и потому бар очень скоро превращается в карусель, вращающуюся сразу по всем осям. Гликк угощает каждого, кто попадается ему на глаза. Мэтр Жосьен лишь величаво кивает, показывая, что он в курсе. Вспыхивают сталагмиты, разбрасывая цветные блики по всей пещере. Девица на краю хрустального озера поет исключительно для него. Быстрые летучие мыши, ухитряясь никого не задеть, то и дело бесшумно подхватывают со стола смятые жестяные баночки.

Заканчивается вечер тем, что они почти до полуночи шатаются по периферии анклава: продираются сквозь насаждения роз, цепляющихся за джинсы, ловят ладонями сиреневые лазерные лучи, обозначающие охранную зону. Петтер, будто клоун, размахивает руками и во весь голос кричит, что завтра тоже непременно подпишет контракт. Мужчиной может считать себя только тот, кто прошел через горнило боев.

– Вперед… Шагом… ма-арш!..

Джилин терпеливо кивает и пытается увести их подальше от патрулей.

Красным сигналом тревоги горит у него на пальце рубин.

Патрули их, впрочем, не трогают. Они просто считывают корпоративные коды, заложенные у каждого в персональный чип, и, видимо сверившись с дежурными указаниями, следуют дальше.

А некоторые даже приветственно козыряют.

Это приводит Гликка в полный восторг.

Он останавливается неподалеку от стеклянной сторожевой башенки, которая вращающимся маячком каждые четыре секунды сканирует мир за Стеной, и, сжав кулаки, объявляет, что, когда он вернется, все будет иначе. Его, несомненно, за все выдающиеся заслуги переведут на уровень «В»… Как это?.. Не могут не перевести!.. А там уже и до следующего регистра – рукой подать…

– Будем продвигаться все вместе!..

Он пытается их обнять.

– Если ты вернешься, – терпеливо напоминает Джилин.

Грустные оливковые глаза.

Тогда Гликк берет его за отвороты желтой корпоративной рубашки и трясет так, что у Джилина мотается голова.

– Я вернусь, – яростно говорит он. – Я вернусь, ты слышишь!.. Вернусь, вернусь!..

На следующее утро за ним приходит машина. Гликк сильно взволнован: впервые за много лет он покидает территорию корпорации. Фактически это всего лишь второе его физическое перемещение, первое случилось тогда, когда сразу же после окончания школы его вместе с двумя другими отобранными фирмой выпускниками перевезли в этот анклав. Даже трехгодичное обучение в колледже он прошел, оставаясь в пределах охраняемого периметра. Это понятно: корпорация, кредитовавшая его образование, не хотела рисковать вложенными по договору средствами. Ведь виртуальные аудитории ничем не отличаются от настоящих, а в виртуальных лабораториях, регулярно проверяемых, кстати, теми же корпоративными инспекторами, можно работать ничуть не хуже, чем в реальных исследовательских боксах.

Правда, тут его постигает разочарование. В машине нет окон – на дверцы справа и слева транслируется нейтральный пейзаж. И хотя дважды до него докатывается что-то вроде гула толпы, а один раз машина вздрагивает, как от разрыва, и по обшивке ее чиркает какой-то металл, «дикий мир» для него все равно остается загадкой. Действительно ли он полон монструозных дегенератов, жаждущих крови, и действительно ли они ненавидят всех тех, кому посчастливилось жить в корпоративном анклаве?

Так ничего из этого он и не узнает. Машина останавливается в гараже, входные жалюзи которого уже опущены. Ни одного звука не доносится сквозь бетонные стены. Лишь шофер дико ругается, разглядывая безобразную сверкающую загогулину на переднем крыле.

Это чем же нужно было в них засадить, чтобы процарапать бронированное покрытие?

Раздумывать ему, впрочем, некогда. Уже с первых мгновений пребывания в армейской среде день его оказывается расписан так, что на размышления не остается ни сил, ни времени.

Сначала Гликку делают глубокое биологическое сканирование, и «эскулап», суммировав особенности физиологии, вычерчивает программные рекомендации. Затем согласно этим рекомендациям с него снимают навыки химика-экспериментатора и за двенадцать часов наращивают базовый чип до необходимой мощности. Одновременно ему имплантируют стимуляторы, повышающие скорость и точность реакций, а заодно подкачивают нейрохимию, ответственную за конгруэнтность психики. Теперь Гликк способен удерживать интерактивный режим, даже если в этот момент у него стреляют над ухом.

И наконец, его подключают к боевой аватаре. Гликк, вернувшись из медицинского отделения в жилой отсек, с недоумением разглядывает себя в зеркале. Неужели он действительно стал военным? Неужели этот солдат с деревянным, невыразительным, гладким, как у манекена, лицом есть он сам? Где там скрывается подлинный Гликк? Осталось ли хоть что-нибудь от того, кем он был раньше?

Утешает, что это временно.

Всего через месяц, уже даже меньше, он вернется к прежнему статусу.

Звучат сигналы отбоя. Свет в отсеке тускнеет, превращаясь в расплывчатую серо-желтую муть. Гликк заваливается на койку, которая занимает чуть ли не половину крохотной комнаты, и всю ночь ему снится шипение, шелест, шуршание, распадающиеся печальные звуки, которые напоминают шум океанских волн…

Далее начинается самое неприятное. «Летчик» – это специализированная аватара, содержащая в себе множество узкопрофессиональных программ, и поэтому она требует тщательной персональной подгонки. Гликка часами крутят на механических тренажерах, создают перегрузки, от которых у него темнеет в глазах, проверяют скорость реакций при смене оперативных координат. Трижды ему корректируют режим биохимической стимуляции и четырежды, добиваясь абсолютного сопряжения, меняют конфигурацию чипа. Все это, конечно, дается непросто. После таких тренировок Гликка ощутимо пошатывает, в ушах у него – вата, под черепом – кровяной гул, в воздухе – рябь, как будто вспыхивают и гаснут черные звезды. В столовой, где трижды в день собирается вся их команда, он с трудом проглатывает витаминизированный бульон, напоминающий

по вкусу сладкий сироп, и с еще большим трудом заталкивает в себя желе, содержащее необходимый ему набор редкоземельных микроэлементов. Ни с кем из членов команды он не общается. Да и как им общаться, если видятся они не более часа в день. Тем более что это точно такие же стандартные специализированные аватары, похожие друг на друга как генетические близнецы. Мелкие отличия во внешности у них, разумеется, есть, но надо очень приглядываться, чтобы заметить несовпадающие черты.

А когда, примерно через неделю, он, немного обвыкнув, начинает что-то соображать, когда подгонка аватары заканчивается и появляются силы, чтобы оглядываться вокруг, к тренингу физическому добавляется тренинг аутогенный. Теперь два раза в день в небольшом кинозале, оборудованном редкой по нынешним временам техникой трансляции изображения на экран, им показывают часовую нарезку хроники. Они видят города под бомбежкой, где между горящими рушащимися домами панически мечутся массы людей: пытаются спрятаться от безумия, но спасения нет; видят завывающую толпу, ощетиненную железными прутьями, палками, арматурой – она, как кочевая орда, идет на приступ одного из офисов корпорации: летят камни, бутылки с зажигательной смесью, сползают лицевые повязки, белеют жуткие, как у вампиров, клыки… Они видят радостное население, встречающее освободителей. Солдат в каске с корпоративным, флуоресцирующим даже при солнце лейблом, легко сгибаясь, подхватывает местного ребенка на бронетранспортер, и тот, расплываясь от счастья, размахивает оттуда фирменным желто-зеленым флажком. Множество рук, множество сияющих глаз. Комментатор приподнятым голосом сообщает, что теперь граждане свободной страны могут беспрепятственно потреблять всю линейку товаров, представленных корпорацией «Ай-Пи-Би». Никаких ограничений более нет. Это их сознательный гражданский выбор, их право, отныне гарантированное конституцией…

Во время сеансов Гликк, впрочем как и другие, впадает в оцепенение. Оказывается, плоский экран впечатляет нисколько не меньше, чем подключение к виртуалу. Он чувствует, как у него закипает кровь, требуя мщения, и как в сознании, обжигая рассудок, вспыхивает священная ненависть к террористам.

Через три дня у них начинаются вылеты. Гликк, конечно, не может определить, какой из них действительно боевой, а какой представляет собой лишь имитацию, созданную виртуал-тренажером. Да это, в общем, и не имеет значения. Он летит в серебристой машине, легко пронизывающей облака, над ним –

синева, которая простирается, вероятно, до края Вселенной, под ним – раскрашенная, будто географическое пособие, карта Земли, он – точно бог, сердце его поет от восторга. Тянутся снизу полосы зенитных ракет. Гликк отстреливает световые обоймы, чтобы сбить их с прицела. Затем он в свою очередь вдавливает кнопки пуска и, даже не поворачивая головы, наблюдает, как распухает внизу дымчатая аллея разрывов. Это необычайно красиво. И еще красивее становится в тот момент, когда он, развернувшись и снизившись, выйдя в слепой квадрант, прошивает эту аллею поперечной осколочной полосой. Несколько раз его пытаются перехватить: картинка вздрагивает и за считанные мгновения перестраивается в другой ландшафт. Вот для того и нужен в кабине живой пилот – сверяясь со схемой, запаянной в тонкий пластик, он выныривает из наведенной реальности в боевую. Перед полетом ему ставят краткосрочный психологический активатор, и потому, вернувшись на базу, он не способен даже откинуть крышку кабины. В медицинский отсек его обычно ведут под руки, и там еще почти два часа он отмокает в ванне «реаниматора».

Времени остается немного – посмотреть новости, где сообщается в основном о корпоративных успехах, побродить по пустынному Риму, Загребу, Шао-Линю, подключиться, если будет желание, к какой-нибудь из обзорных, не требующих участия спортивных программ.

С Зенной за этот месяц они ни разу не видятся. Во-первых, персональную линию куда бы то ни было с базы не проложить: здесь поддерживается режим коммуникативной секретности. А во-вторых, обошлась бы она во столько, что у него растаяли бы все будущие поступления. Связь через армейские серверы стоит безумных денег.

Поэтому у них исключительно текстовое общение. Гликк пишет ей, что делает сейчас некую дополнительную работу, ничего интересного, зато когда закончит ее, они смогут подумать об объединении личных реальностей. Всего-то месяц и подождать. Зенна отвечает ему, что тоже, вот совпадение, нашла себе некую дополнительную работу, тоже ничего интересного, однако за нее полагаются довольно крупные бонусы. Они, вероятно, смогут теперь не только объединить реальности, но и оплатить сразу, как факт, весь первичный дизайн. Пусть Гликк не волнуется. Конечно, она будет ждать.

Письма приходят практически каждый вечер: длинный узкий конверт, помеченный штампом «проверено военной цензурой». Буквы складываются в слова, слова – в предложения. Гликк перечитывает их по несколько раз.

И странное дело – когда он всматривается в печатные строки, когда складывает письмо и отправляет его вместе с конвертом в утилизатор, сердце его прохватывает легкий озноб.

Ему почему-то кажется, что это пишет не Зенна, а совсем другой человек.

Разумеется, это пишет Зенна. Сразу же после их удручающей, безнадежной, как в мире смерти, встречи на берегу она вызывает на интерфейс каталог специализированных предложений и, взвесив все за и против, останавливается на разделе «Экстрим». Уже через пять минут к ней является женщина, которая представляется как Мадам. Похожа она на юриста, консультировавшего их когда-то в Венеции. Такая же строгая, намеренно деловая внешность. Такой же темный костюм, такие же собранные на затылке тугие, почти бесцветные волосы. Практически никакой косметики. Очки в паутинной оправе подчеркивают серьезность лица.

Сугубо нейтральным тоном Мадам подтверждает, что действительно экстремальный секс оплачивается очень прилично. К счастью, пока никакой программный продукт не может его заменить. В чем тут дело, она, конечно, судить не берется, но клиент всегда чувствует, кто перед ним – покемон, пустая механическая аватара, или живой человек. Причем, поясняет Мадам, это вовсе не значит, что вы обязаны выполнять весь спектр услуг. Фирма не настаивает ни на чем. Можно заранее исключить неприемлемые для вас позиции. Далее она рассказывает о страховке, сумма которой возрастает от месяца к месяцу, о премиальных бонусах – правда, тут многое зависит от самого клиента, – о поощрительных процентах за стаж, поскольку если накапливается личный опыт, то соответственно возрастает и квалификация.

В общем, выглядит это вполне прилично. Они тут же подписывают пробный контракт – на месяц, с правом автоматического продления. Зенну в этой работе особенного привлекает то, что при исполнении процедуры ей не придется физически выходить в зону контакта. Она может делать это дистанционно, из своего личного блока, и в случае непредвиденных обстоятельств просто заблокировать коммуникации. Более того, она может и катапультироваться, то есть сбросить рабочую аватару и в тот же момент вернуться к себе. Для этого нужно только вызвать «иконку», аварийную связь, которую ей имплантируют вместе с другими нейролептическими стимуляторами.

Процесс коррекции она переносит очень легко. Видимо,

потому, что заключается он лишь в некоторой достройке исходного образа. Внешность ей оставляют ту же самую – только чуть осветляют кожу, глаза, а волосам, наоборот, придают более глубокий оттенок. Секс-дизайнеры полагают, что это увеличивает притягательность. Заодно ей несколько акцентируют скульптурность фигуры, а в том, что касается психики – расширяют эротическое восприятие.

Мадам по этому поводу говорит:

– Вам должно хотя бы немного нравиться то, что вы делаете. Если вы исполняете обязанности через силу, пользователь это сразу почувствует.

И еще она советует не ставить слишком высокий болевой порог. Конечно, подавляя рецепцию, вы существенно облегчаете себе жизнь: можете глубже, чем при обычном восприятии боли, продвинуться в маргинальную область. Именно это многим пользователям и нравится. Однако здесь есть опасность. Будучи «приглушенной», вы можете просто не заметить, как пересечете черту. Пожалуйста, обратите на это внимание. Любая физиологическая выносливость имеет предел.

Зенна, естественно, обращает на это внимание и при юстировке эмоций требует, чтобы порог ей выставили лишь чуть выше обычного. Потом она несколько раз жалеет об этом, особенно когда попадает в зловещий, озаряемый только факелами каменный монастырский подвал: стоит обнаженная, прикованная к стене, а монах в коричневой грубой рясе до пят, полубезумно оскалясь, перебирает какие-то шипастые инструменты. Однако в целом все оказывается не так уж и страшно. Ее очень грамотно, чтобы она успела привыкнуть, проводят по нарастающей эмоциональной шкале – от римского лупанария, где, надо признать, ей ничего и делать-то не приходится, до рабства на Острове наслаждений, которое оставляет, конечно, не самые приятные впечатления. Правда, к этому времени она уже имеет определенный опыт и череду эротических унижений переносит достаточно стойко. Более того (она не осмеливается признаться в этом даже самой себе), но кое-что из испытываемых ощущений ей даже нравится. То ли таковы результаты коррекционной трансформации психики, то ли это уже изначально, как данность присутствовало у нее где-то внутри. Она просто не подозревала об этом.

В конце концов, не все ли равно? Главное то, что ее персональный счет растет теперь день за днем. Он увеличивается, наращивает нули, приплюсовывает проценты, наслаивает бонусные добавки. Уже близок, близок момент, когда можно будет объединить реальности. Зенна то и дело прикидывает это

в уме. Оплата за ежевечерний двухчасовой сеанс кажется ей даже немного завышенной.

Конечно, после каждого такого сеанса ей приходится почти три часа отмокать в горячей воде – лежать, ни о чем не думая, ждать, пока растворится внутри липкий неприятный осадок.

Но ведь за все надо платить.

И это, по ее представлениям, плата еще не слишком большая.

Могло быть гораздо хуже.

По-настоящему ее беспокоит только одно. Уже через неделю эротических отработок она не может вспомнить его лицо. Вместо него – слепое расплывчатое пятно.

Она крепко зажмуривается, прижимает руки к глазам, трясет головой, растирает до боли веки, пытается подобраться то с одного, то с другого края воспоминаний, снова крепко зажмуривается, снова трясет головой.

И тем не менее – слепое пятно.

Пятно, пятно, блеклая муть.

Правда, она надеется, что это пройдет.

Собственно, это все. Рябь на поверхности жизни неумолимо разглаживается. Легкие завихрения бытия встраиваются в общий поток. Его сбивают на пятнадцатом или шестнадцатом вылете. Корпорация, финансирующая «Легионы свободы», еще не знает, поскольку банковская разведка оказывается не на высоте, что «Партия демократии», ведущая против нее яростную борьбу, приобрела благодаря экстренному кредитованию новейшую систему защиты, сделанную по образцу зенитных орудий времен Второй мировой войны. Никакая электроника в ней не присутствует, никаких сетевых подключений там, разумеется, нет, и потому обнаружить ее из виртуальных координат нельзя. Гликк даже сначала не понимает, что по нему стреляют. Он видит лишь странные вспучивания воздуха, искажающие пейзаж, прозрачные вспарывания, как будто идет по материи невидимая игла. А потом машину ужасно встряхивает, точно ей наподдали под хвост, она летит кувырком, вроде бы даже переламывается пополам. Гликка, во всяком случае, выбрасывает из кабины. Как на бешеной карусели вращаются – земля, небо, земля. Он отчаянно бьет по «иконке», вспыхивающей на груди, та не срабатывает – значит, это реальность, а не тренинговая симуляция. Парашют у него почему-то тоже не открывается. То ли повреждена автоматика, то ли не проходит сигнал. А быть может, и так: пилота легче списать, чем вытаскивать обратно в корпоративный анклав. Ничего личного, простая экономическая эффективность. Это все одним бурным потоком прокручивается

у него в голове. Он, как закладывалось в него тренировками, выбрасывает руки и ноги по сторонам. Шипит воздух в ушах, треплются по всему телу обрывки комбинезона. Видимо, Гликк кричит, но крик срывается и уносится в никуда. Кто его может услышать? Кругом – пустота. Нет, не совсем – огромная, невероятных просторов, сияющая небесная синь. Она буквально заливает глаза. Гликк видит теперь только ее. Она становится все больше и больше – расширяется, охватывает собою весь мир. Уже нет ничего, кроме нее. И потому ему до последних мгновений кажется, что он падает не вниз, а вверх…

Зенну находят по специфическому «сигналу смерти». Правда, сам сигнал искажен: контрольная частота прикрыта импульсами эротического возбуждения. Личный «врач» поэтому ее не считывает. А когда «консьерж», отслеживающий график контактов, производит дополнительное сканирование и поднимает тревогу, сделать уже ничего нельзя. Изменения в кодировочных синапсах необратимы. Клиент, разумеется, исчез без следа. Логин его представляет собой имитатор, ведущий по мертвому трафику, замкнутому на себя. Следствие производится только для формы. Местная полиция полагает, что это поработал Ночной ковбой, уже известный по их данным маньяк, совершивший таким образом более десятка убийств. Правда, у следователей «Пелл-арт» есть подозрение, что Ночной ковбой в действительности – это виртуальный муляж. Некий отвлекающий лейбл, за которым скрывается целая группа профессионалов. Однако проводить собственное расследование не имеет смысла. Фирма ограничивается страховкой, которую в данном случае выплачивают по максимальному уровню.

Все, таким образом, удовлетворены.

Господин Кацугоси тоже удовлетворен. Страховка Гликка возвращается в корпорацию, поскольку отсутствует конкретный физический адресат. Юристы фирмы акцептируют ее на различных счетах. Сумма возврата практически покрывает расходы на заказ Ночному ковбою.

Этот номенклатурный пробел теперь можно закрыть.

Примерно через месяц после окончания торговой войны Джилин берет себе однодневный тур на Праздник бабочек в Цзянь Цумине.

Она приходит туда в своем истинном облике: девушка в джинсах, в футболке, с распущенными по плечам волосами.

Это, конечно, не очень разумно. Если поиск ее аватары в сети продолжается до сих пор, то поисковые церберы, настроенные

на эти параметры, могут взять след.

Тогда она будет замурована в корпоративном анклаве.

Однако ей кажется, что следует поступить именно так.

У монаха, стоящего под громадным зонтом, она покупает шкатулочку с двумя мотыльками и, когда начинается ритуальный танец на площади, открывает ее.

Звенят серебряные колокольчики.

Мотыльки растворяются в синеве.

Джилин долго стоит, подняв лицо к небу.

Больше – ничего, ничего.

И скорее всего, уже ничего не будет…

Мир иной
Повесть

1

Вот так всегда: сидишь себе, никого не трогаешь, занимаешься своими делами, вроде бы ниоткуда не свиристит. И вдруг – трах, бах, палкой по голове! Из глаз – искры, мир, точно безумный, начинает раскачиваться туда и сюда.

Если перевести эту аналогию на меня, то все именно так. Сижу у себя, занимаюсь своими делами, а выражаясь точнее, пытаюсь наладить цветовую гамму двора. Ну не дается мне цветовая гамма двора. Визаж, в общем, неплох: стекла, солнечные отражения, каждая трещинка на асфальте видна, каждая веточка на кустах. Все вроде нормально. Даже тени – прохладные, трепетно синеватые, как живые. Тени, скажу без ложной скромности, мне удались. С тенями мне повезло. А вот стоит тронуть динамику, и – сразу не то. Искорки какие-то фиолетовые появляются: из-под веточек, из окоема бликов, с крайних углов. Будто сыплется порошистая метель. Почему искры, откуда искры? Ни хрена не понять. «Художник» у меня первоклассный. Не магазинный какой-нибудь, где подбираешь цвета, как кубики в детском саду, можно только перетащить маркер и все. Мой «художник» дает полное совмещение – и переход между цветностями удается размыть, и положить сверху фон, как бы патину, которая его приглушает, и гармонизирует сам, так что не нужно занудливо подбирать обертоны. Любой оттенок, любое схождение – в шесть секунд. А если требуется, например, выставить графический ряд, то сей же момент, безо всякой корректировки, согласует размеры. Чего, спрашивается, нужно еще? И вот, пожалуйста, при переходе к динамике начинает искрить. Сразу видно, что лепится некачественная программа. Я третью неделю с этим валандаюсь, перегибаюсь, закручиваюсь, сделать ничего не могу. Придется, видимо, идти на поклон к Алисе. Или даже непосредственно к Алю, чтобы посмотрел что к чему.

В общем, сижу я, потихонечку ковыряюсь, чертыхаюсь вполголоса, щурю до боли глаза, трясу головой, тру виски, ругаю для поднятия духа самого себя: надо же так – на три недели застрять! Наверняка какая-нибудь ерунда. Но никакого просвета, хоть плачь. При этом каждые пять минут я поворачиваюсь

к консоли и раздраженно сдуваю оттуда взъерошенного почтальона Печкина. Он выскакивает на край, бодро размахивая конвертом. Не до него мне сейчас. Никакая почта мне не нужна. И также каждые пять минут, переходя на персональную связь, я пытаюсь, пытаюсь, пытаюсь дозвониться до Квинты: через квартал отсюда раздается «гав-гав» – полное щенячьей тоски. Это у меня такой позывной. Квинта, однако, не отвечает. Глазок на консоли показывает, что сигнал идет в пустоту. То ли задерживается Квинта сегодня, то ли пришла, но игнорирует все и вся. С Квинтой иногда такое бывает. Вдруг выключит телефон – и ее как бы нет. И час ее нет, и два часа нет, и целый вечер – хоть плачь. Почему? – спрашиваешь потом. А нипочему, не было настроения…

То есть все как всегда. И вдруг – трах-бах, начинают стучаться в дверь. Причем как стучат – будто хотят ее выломать. Как будто нет у меня звонка. Как будто кругом горит. Ладно, иду открывать. А на пороге, чего уж не ожидал, лично Платоша. В дурацком своем хитоне, свисающем как простыня, в дурацких своих сандалиях на босу ногу. Лысина так и сверкает, борода – от ушей, как у первобытного человека.

– Ты почему связь отключил?..

Ну объясняю ему, что потому, значит, и отключил, чтобы не мешали всякие идиоты. Только начнешь работать – тут же какой-нибудь идиот.

– А ну, пошли!

Платоша трясет бородой.

Куда, чего?

– Пошли-пошли!.. Сам все увидишь!..

Ну, тут уж возражать не приходится. Мгновение я колеблюсь – не захватить ли мне меч. У меня красивый декоративный меч, будто из серебра, с яшмовой рукояткой, слегка сияющий в полумраке. Подарок эльфов за дизайн Стеклянной ротонды. Я сделал им хрустальные переливы стекла.

Нет, меч все-таки ни к чему.

Хотя на улице – настоящее столпотворение. Высыпали, кажется, изо всех ближних домов. И то, шутка сказать, стучатся не только ко мне, ко всем подряд. Я вижу, как Топинамбур бухает кулаком по дверям Бамбиллы. Оборачивается, растерянно говорит: ну, никогда его нет… Вижу, как Леший нетерпеливо выстукивает мелкую дробь в парадной напротив. Вижу, как Обермайер, поправляя берет, объясняет что-то Алисе, нервно поджимающей губы.

– Да что там у вас – пожар?

– Иди на площадь!.. – грозно кричит мне Платоша.

Сам принимается обрабатывать дверь, ведущую к Синусу. Кулаки у него здоровенные, створки так и бренчат. Если Синус на месте, выскочит сейчас как ошпаренный. Мне, правда, все это становится безразлично, поскольку откуда-то, точно из пустоты, возникает Квинта и цепко, словно боясь потерять, берет меня под руку.

– Привет, – говорит она.

– Привет, – отвечаю я. – Думал, ты уже не придешь.

– Как это – не приду? Я всегда прихожу. Ты помнишь, чтобы я хоть раз не пришла?..

Тут она, конечно, преувеличивает. Но это пускай. Спорить, возражать, препираться я в данный момент не склонен. Я чувствую, какие у нее сегодня жаркие пальцы. Еще дня три назад были как пластмассовые, ничего. А сейчас – будто вынула их из горячей воды. От этого у меня под сердцем тоже становится горячо. Я, как всегда, перестаю что-либо соображать. Я – это уже не я. Это другой человек, целиком вылепленный из счастья. У меня, наверное, даже глаза чуть-чуть светятся, а в груди – пусто, как будто я родился только сейчас. Никого еще не видел, кроме нее. Такое у меня странное состояние.

Мне хочется ей об этом сказать.

Но я молчу – Квинта и так это знает.

На площади тоже небольшое столпотворение. Наверное, сюда собралась половина свободных граждан. Все это гудит, колышется, размахивает руками. Все это полно ярости, возмущения, нетерпеливого желания действовать. И, ввинчиваясь в толпу, которая, надо сказать, пропускает нас не слишком охотно, осторожно протискиваясь и подтаскивая за собой Квинту, я вдруг начинаю по-настоящему понимать, как город разросся за последние месяцы. Мало того, что большинство присутствующих мне незнакомы, но даже из тех, кто приятельски здоровается со мной, я помню по именам всего лишь нескольких человек. Вот этого, одетого в шкуру, подпоясанную лианой, зовут Тарзан. Он живет на Липовой улице в двухэтажном деревянном бунгало, говорят, каждое утро распахивает окно и, набрав воздуха в грудь, оглашает окрестности знаменитым протяжным криком. Как это его соседи до сих пор терпят? А вот того, в курточке, в коротких полосатых штанах, кличут, естественно, Буратино. Сразу можно понять по характерному носу. Нос у него выдается вперед, наверное, сантиметров на тридцать, острый такой, не дай бог случайно воткнет, а на лице отчетливо прорисованы жилочки древесных волокон. Между прочим, по слухам, довольно известный певец, звезда эстрады, кумир недозрелых подростков,

внешность служит ему защитой от назойливого узнавания. А вон Кот-Бегемот со своим вечно попыхивающим примусом, а вон доктор Спок в малиновом «космическим» свитере и зеленых рейтузах. А вон Енот, укутанный в волосы точно в плащ – сквозь путаницу бурых лохм настороженно поблескивают глаза.

Впрочем, не у всех такая броская аватара. Большинство граждан как раз предпочитает не выделяться. Кто это, например, в джинсах, в кожаной безрукавке, кивнул мне издалека и приветливо помахал рукой? Хоть убей, а не помню. Квинта тоже не помнит – глянула на меня, недоуменно пожала плечами. Разве можно было это представить полгода назад?

Основные заторы, разумеется, образуют туристы. Для них это бесплатное развлечение, о котором потом можно будет долго рассказывать. Они все сейчас, вероятно, стянулись на площадь – сбились в плотные группы и, как роботы, дружно поворачивают физиономии то вправо, то влево. Боже мой, сколько у нас ныне туристов! Как правило, они меньше заметны, будучи рассредоточенными по разным кварталам. У туриста ведь виза только на сутки – надо везде побывать, все успеть. А тут, я прикидываю, на каждого свободного гражданина приходятся минимум трое в ярких канареечных комбинезонах. Страшноватое впечатление они производят. Особенно когда всем скопом упирают в тебя водянисто-бледные, идиотические глаза. Таращатся бесцеремонно, как в магазине. Как пришельцы откуда-нибудь из запредельных миров. И ведь умом я хорошо понимаю, что не виноваты они ни в чем: стандартные дурацкого облика покемоны им выдают вместе с визами. Редко какой турист будет заказывать себе индивидуальную аватару. И все равно такая злость подступает, как будто они нарочно тебя подзуживают. Так и хочется крикнуть: чего вылупились?! Зачем вообще вы приперлись туда, куда вас никто не звал?!

Впрочем, кричать бесполезно.

Ничего они не поймут.

– Не-на-ви-жу, – кипящим голосом говорит Квинта.

Мы все-таки проталкиваемся сквозь толпу. Я впереди, Квинта несколько сзади. И тут все туристы сразу же вылетают у меня из головы, потому что картина, которая открывается перед нами, просто бьет по мозгам. Нет-нет, на первый взгляд вроде бы ничего страшного. Все на месте, ничего не рассыпалось, не завалилось: и венецианская галерея, которую, не пожалев усилий, выстроила для себя Алиса, и дом Аля, нависающий над мостовой полукруглым стеклянным эркером, и четырехгранная башня с часами, какая обычно увенчивает собой здание магистратуры. Никакой магистратуры у нас, разумеется, нет, зато башня

по прихоти Аля вздымает бронзовый циферблат. Остроконечная стрелка на нем как раз дрогнула и со стуком, который сейчас не слышен, переместилась на следующее деление. Еще десять минут – и куранты, упрятанные внутри, сбросят вниз шесть звонких ударов.

А вот дальше я буквально подскакиваю. Я подскакиваю, и глаза у меня, как у какого-нибудь ополоумевшего туриста, лезут на лоб. Где дом Дудилы? Нет дома Дудилы. Вместо скромного двухэтажного флигеля, пристроившегося под башней, вместо выступов крыши, под которыми всегда теплится пара окон, возвышается теперь этакая дурында этажей, наверное, в восемь, этакая чувырла, этакая коробка из стекла и металлической арматуры – вызывающая, бесстыже прозрачная, пучащаяся изнутри сиянием ламп. Видно, как там идут вдаль ряды загородок, амальгама зеркал, ниши торговых секций, стеллажи с посудой, с сумочками, с вазочками, с сервизами, как на следующем этаже свисают с потолка пышные гроздья люстр, а еще выше – лоснится дорогим деревом мебель. Целый этаж обуви, целый этаж одежды, целый этаж всяких никелированных причиндалов для кухни. В общем, все, что может потребоваться человеку. И мало того, над входом, представленным створками стеклянных дверей, над переливом витрин, откуда взирают на нас распяленные манекены, огненно-желтыми буквами горит название «Бибимакс»: вспыхивает как огонь, гаснет, снова безумно вспыхивает. От этого невольно зажмуриваешься. И аналогичная надпись вытянута у здания по ребру – буквы, догоняя друг друга, вспархивают к самому небу.

– Кошмар-р-р… – выдыхает Квинта. – Боже мой, какой жуткий кошмар…

Я с ней совершенно согласен. Кошмар, безвкусица, ужас, который может привидеться только в шизофреническом сне.

И где?

В нашем городе!

Как мы теперь будем здесь жить?

Я только не понимаю, когда эту дурынду успели воздвигнуть? Еще вчера, поклясться могу, ничего подобного не было. Правда, через секунду я замечаю целых четыре бригады гномов, которые, трудолюбиво посапывая, возятся у дальней стены. Возводят, кажется, вход со стороны улицы. И как, между прочим, возводят – тоже следует посмотреть. Не по кирпичику складывают, не по камешкам, не по несущим узлам, не по отдельным деталям, что уже давно стало традицией, а сразу же весь, целиком – прочерчивая «карандашами» плоскую арочную конструкцию. Кто только их этому научил? Понятно теперь, как удалось

возвести такую дурынду всего за сутки.

Я чувствую, что Квинту трясет. Она всплескивает руками и беспомощно говорит:

– Что же это такое?.. Зачем, зачем?.. Как так можно?..

Меня тоже охватывает непереносимое бешенство. Мне тоже хочется всех растолкать, выскочить, выкрикнуть что-нибудь оскорбительное, пугнуть сомнамбулических гномов, так чтобы бросились врассыпную, а потом взять какую-нибудь железяку потяжелее и методично, отсек за отсеком, крушить все здание, пока не останется от него груда обломков.

Конфликт, впрочем, уже разгорается. Я вижу, что Платоша и Обермайер, остановившись у ленты, огораживающей строительство, втолковывают что-то коренастому бригадиру, перепоясанному кушаком. Бригадир в ответ, опуская и поднимая челюсть, бубнит, что он тут не главный:

– Мне – что?.. Дали задание… Я его исполняю…

Лицо у него тупое.

Действительно, какой с гнома спрос?

Поэтому толпа возбужденно галдит:

– Хозяина вызывай!..

– Зови, зови его, чего стал?..

– Заблокировать ему вход!..

Напряжение нарастает. Еще чуть-чуть – и людской поток хлынет за разграничительную черту. Меня уже нетерпеливо толкают в спину.

Секунда…

Еще секунда…

И в это мгновение появляется Коккер.

Вид у него, надо отдать должное, еще тот. Аватара выделяется даже на фоне нашего пестрого многообразия. Роста он небольшого, едва ли мне по плечо, зато в ширину превосходит трех-четырех нормальных людей, в белой рубашке, в клетчатом пиджаке, в клетчатых коротких штанах, из-под которых торчат пупырчатые куриные голени, горло его стягивает красная бабочка, будто хлынула кровь, а на башке, как бы выравнивая ее, сидит плоская соломенная шляпа. При этом он сам – тоже плоский, без объемного измерения, будто вырезан из газеты. Я его сразу же вспоминаю. Он уже недели две или три околачивается по всему городу: сидит в барах, потягивая через соломинку ананасный коктейль, гуляет по площади, останавливаясь на краю и вглядываясь в черную пустоту, внимательно наблюдает за тем, как гномы из дежурной бригады укладывают брусчатку. Уже давно можно было понять, что это не просто так. Какого черта полноправному гражданину

слоняться, будто туристу? Видимо, исподволь присматривался к обстановке, собирал информацию, аккуратно примеривался, принюхивался, вел предварительные переговоры. И вот когда все посчитал – пожалуйста, здрасьте!

Чувствуется, что толпа его не пугает. Он приподнимает свою плоскую шляпу и, как бы приветствуя всех, водит ею над головой.

Открывает рот, полный зубов.

Спокойно осведомляется:

– Об чем шум, уважаемые сеньоры?..

А затем, выслушав неразборчивый гул, которым толпа откликается на его вопрос, приветливо объясняет, что оснований для беспокойства не видит:

– Я это место честно купил у кабальеро Дудилы. Надеюсь, он не откажется подтвердить. Теперь строю свой маленький дом. Может быть, уважаемые сеньоры подскажут мне, какие местные законы я преступил? Я что-то не понимаю…

Коккер вновь открывает рот, полный зубов. Видимо, у него это означает улыбку. Весь вид его говорит: да, я таков, меня лучше не трогать, могу укусить.

Из толпы высказываются в том духе, что хевру ему начистить, тогда поймет.

– Но это же хулиганство, уважаемые сеньоры…

Вперед выходит Ковбой Джо. Он тоже в шляпе, но только в высокой, с загнутыми краями. А из-под шляпы свисает шнурок, обтягивающий подбородок.

Ковбой Джо рассудительно говорит:

– Посмотрите вокруг себя, мистер Коккер! Быть может, вам неизвестно, но это место – наш исторический центр. Лицо города, отсюда он начинался. Тут выше трех этажей никто никогда не строил… Вы, мистер Коккер, не на Земле. Никаких формальных законов вы, может быть, не нарушили, но помимо законов существует уважением к людям, уважением к тем, рядом с кем вы собираетесь жить. Вот наш главный закон! На бумаге он не написан, однако мы его соблюдаем!..

– Правильно!.. – кричат из толпы.

– Лишить его доступа!..

– Отключить!..

– Разобрать по кирпичику!..

Коккер, как ни в чем не бывало, помахивает своим соломенным канотье. Он улыбается еще шире и показывает еще больше зубов.

Видно, что ни хрена не боится.

И, вероятно, основания для этого у него есть. Я вижу, что все четыре бригады гномов побросали работу и выстроились у него

за спиной. Интересно, кто им отдал команду? Они стоят как в строю, плотной шеренгой, плечом к плечу, вязаные колпачки надвинуты до ушей, в руках у каждого – здоровенный строительный молоток.

Квинта возбужденно дергает меня за рукав:

– Смотри, смотри!..

Особенно мне не нравятся их красноватые физиономии. Гномы и так-то, выражаясь мягко, привлекательностью не страдают. Делались они все по одному образцу: грубоватые, как из дерева, нос, щеки, лоб, скулы, жесткие брови, прикрывающие глаза, жесткая рыжая борода, торчащая веником. Впрочем, тут Аля можно понять. Зачем делать то, без чего легко обойтись. От гномов ведь не требуется интеллигентного облика. От гномов требуется аккуратность и беспрекословное послушание. Некоторая туповатость им даже идет. Однако и туповатость тоже бывает разная. У гномов она задумывалась как добродушная, вызывающая симпатию, игровая, не сознающая самое себя. Гном – ведь он гном и есть. А тут я замечаю нечто иное: неприязненную насупленность, мрачно посверкивающие глаза, выставленные вперед твердые подбородки. От плотной шеренги гномов веет угрозой. У меня в коленях возникает неприятная дрожь. Я чувствую слабость, будто во сне, когда не успеваешь заслониться от нависающего удара. Конечно, еще не было случая, чтобы гном поднял руку на человека, но ведь перепрограммировать гнома – задача, как я понимаю, не такая уж трудная. Тот же Аль мог бы справиться с этим, вероятно, часа за три. Что происходит? В каком мире мы вдруг оказались?

Мне это все чрезвычайно не нравится. Квинта морщится – оказывается, я, не замечая того, все сильней и сильней сжимаю ей пальцы. Она освобождается, трясет ладонью, дует на нее, слегка растирает. А потом в свою очередь решительно берет меня под руку:

Голос у нее немного звенит:

– Пошли отсюда…

За поворотом нас уже ждут. Мальвина в своем кукольном школьном платьице, в белых гольфиках, в трогательных подростковых сандаликах, выставив указательный палец, объясняет что-то Кэпу с Чубаккой. Чубакка в ответ поматывает звериной волосатой башкой, а Кэп, обхватив пояс, увешанный медными кольцами, побрякивает ими, выражая явное нетерпение.

– Так в чем дело? – восклицает он, когда мы подходим. – Сейчас я выведу «Мальчика» и раскатаю эту чувырлу до основания. От нее ровное место останется…

Чубакка недовольно рычит.

– Ха!.. Он думает, что «Мальчик» не выдержит!.. «Мальчик» и не такое выдержит. У него – керамическая броня, вот – на три пальца!..

Чубакка опять рычит. Он поднимает громадный кулак и с силой, как бабуин, бьет себя по груди.

– Да говори ты по-человечески, – с досадой просит Мальвина.

– Аль этого не одобрит, – взрыкивает Чубакка.

– Откуда ты знаешь?

Чубакка снова рычит.

– А кстати, где он сам? – интересуется Квинта.

– Альберт временно недоступен, – сообщает Мальвина.

– Ты ему вызов послала?

– Послала.

– И что?

– Появится, как только освободится.

Чувствуется, что Мальвина кипит. Она не привыкла, чтобы с нее спрашивали отчет. Скорей уж она со всех спрашивает. И потому обстановка несколько накаляется. К счастью, в эту минуту откуда-то выворачивает накачанный чмур и, притормозив возле нас, сипловато осведомляется:

– Чё тут у вас происходит, в натуре?..

Чмур, надо сказать, очень типичный: стриженый наголо, с мощными развернутыми плечами, в армейских ботинках, в комбинезоне, затянутом множеством разнообразных ремней, слева у него висит меч с вычурной рукоятью, а над плечом высовывается дуло толстого автомата. Видимо, какая-нибудь особенная модель. Чмуры обожают изобретать новые виды оружия. Навинчивают туда что ни попадя. Вот и сейчас я уверен, что и лазерный прицел у него есть, и экранчик, продолговатый, высвечивающий координаты цели, и, вероятно, другой экранчик, показывающий остаток боеприпасов, и сменный автоматический магазин, торчащий где-нибудь сбоку, и пара микроракет, и специальный баллончик, заряженный газовой взвесью. Это чтобы эффектно растаять в тумане. Мало того, над поясом чмура идет второй, кожаный, оттопыренный минами, термическими петардами, а над тем же плечом, где и автомат, торчит гибкий, расщепленный на кончике усик антенны. Конечно, никакая антенна в городе не нужна. Поле на всех одно – входи в сеть и разговаривай с кем тебе надо. Хочешь, чтобы не слушали, – выдели персональный канал. Можешь его создавать каждый раз для каждого отдельного разговора. Зачем, спрашивается, таскать рацию? Но ведь для чмуров удобство не главное, для них важней – навороты.

В общем, Мальвина находит на ком сорвать злость. Она поворачивается, окидывает чмура уничтожающим взглядом, а затем со всем тем презрением, на какое способна, сообщает ему, что с оружием в городе появляться запрещено.

– Вас разве не предупреждали на входе? Либо сдайте свои железки, либо возвращайтесь на Землю.

– Чё, чё, чё?.. – вопрошает чмур.

Он в свою очередь окидывает нас презрительным взглядом, и хоть мимики у чмуров, разумеется, нет, становится ясно, что он готов к развлекалову. Меня он за противника, естественно, не считает. Кэп, несмотря на свой полувоенный комбинезон, у него опасений тоже не вызывает. Честно говоря, не очень солидно выглядит Капитан. Слишком интеллигентно, слишком субтильно для физического отпора. Серьезным противником может быть только Чубакка, который, как и положено, на голову выше всех, даже под глянцевой шерстью видны вздутые мускулы.

Чмура это, впрочем, не беспокоит. Имея столько хитрых примочек, он уверен в себе.

Подумаешь – волосатый чучмек.

– Так чё?.. Не понял…

Мальвина демонстративно не обращает на него внимания. Она оглядывается и подзывает гнома, который, надев дворницкий фартук, старательно шаркает метлой по брусчатке. Трафика ее я не слышу, но, вероятно, хозяин гнома не возражает.

Ничего удивительного.

Кто бы стал возражать?

– Проводишь этого на таможню, – приказывает она. – Пусть сдаст оружие или возьмет другой покемон. Об исполнении – доложить. Если не сдаст, не возьмет – проводишь на выход.

– Задание принято, – скрипучим голосом отвечает гном.

Он поворачивается всем телом и ждет. Метлу, как винтовку, держит на перевес.

Только тут до чмура доходит, что он все-таки не на Земле. И никакие его примочки здесь работать не будут. К тому же нас пятеро, причем все в аватарах, а он, вероятно, помнит, что даже трое свободных граждан могут аннулировать ему визу. Вся процедура займет не более десяти секунд.

Чмур резко сбавляет тон.

– Да, ладно, – примирительно говорит он. – Да, пожалуйста. Я же просто не знал… Я думал, у вас тут – свобода…

Мы смотрим, как они удаляются: здоровенный амбал, обвешанный оружием до ушей, и неуклюжий гномик с метлой, едва достающий ему до пояса.

Нас эта картина не радует.

– Теперь таких будет все больше и больше, – выражая общее настроение, говорит Квинта.

Чубакка рычит.

Кэп брякает медными кольцами.

Мне это тоже кое о чем напоминает.

– А вы обратили внимание, как вели себя гномы на площади? Те, что работают с Коккером? Вы лица их рассмотрели?

Теперь все поворачиваются ко мне.

– Ну так что?..

– Что – что?..

– Говори!..

Я на секунду задерживаю дыхание.

– Мне кажется… Знаете… Лучше держаться от них подальше…

Некоторое время мы спорим о гномах. Мальвина считает, что перекодировать гнома нельзя. То есть, разумеется, здесь допустимы некоторые поведенческие вариации, но только в пределах, которые установлены четкими базисными параметрами. Гном даже в принципе не может выйти из повиновения. И уже тем более – причинить человеку вред. Это полная чепуха… Она излагает это непререкаемым тоном. Я же высказываюсь в том духе, что модификации, в том числе и спонтанной, может подвергнуться сам установочный базис. Например, расширится зона деятельностных реакций. Гном ведь подстраивается к каждому изменению или как? Кроме того, сборка может быть произведена и на другом модуле. То есть то, что воспринимается нами как гном, в действительности является совсем иным существом. Он только с виду как гном, а по сути – еще неизвестно кто.

Спор этот совершенно бессмысленный. Ни Мальвина, ни я в программировании – ни уха ни рыла. Так, нахватались от Аля некоторых представлений. В сущности, горячась и возражая друг другу, мы пытаемся скрыть тревогу, которая нас охватывает. Неужели мир действительно изменился? Неужели «пейзаж» пополз, и удержать его уже невозможно? Нашего беспокойства не заслоняют ни взрыкивания Чубакки, который время от времени грозно обнажает клыки, ни бодрые реплики Кэпа, заверяющего то ее, то меня, что в любой момент он выведет «Мальчика» и раскатает все «понял, как блин». К сожалению, тут дело не в «Мальчике». «Мальчик» тут ни при чем. Есть проблемы, которые с помощью «Мальчика» не решить.

Квинта участия в дискуссии не принимает. Пальцы у нее по-прежнему живые, горячие, и это радует меня больше всего.

Правда, она дрожит, зябко передергивает плечами, и, улучив минуту, я быстро спрашиваю ее:

– Ты что?..

– Ничего-ничего, потом… – вскользь, едва шелестя словами, отвечает Квинта.

Ладно, потом, так потом. Дудила, как выясняется, уже перебрался на северную окраину города. Мальвина, промчавшись по базе данных, вытаскивает для нас его адрес. Это бидонвиль, действительно самый край, где селятся только те, кто имеет временный статус. Здесь даже мостовой настоящей нет: в черной умопомрачительной пустоте висит жалкая тропка, очерченная двумя желтыми линиями. Середина ее кое-как заштрихована – это для того, чтобы новичкам было легче ходить. Не всякий, знаете ли, может ходить в пустоте: ноги проваливаются, того и гляди поплывешь точно к богу, в рай. Наверное, такие же ощущения у космонавтов. Я, помню, первое время тренировался, страхуя себя веревкой, привязанной к столбу фонаря. И все равно раз двадцать, вероятно, проваливался. Тут главная хитрость – ни в коем случае не смотреть, куда ставишь ногу. Идти, будто под тобою асфальт. А глянешь, хоть на мгновение, испугаешься, и конец – поплывешь, медленно кувыркаясь, не в силах понять, где верх, где низ.

Домов настоящих здесь, разумеется, тоже нет. Вместо них – кривоватые контуры, очерченные все теми же унылыми желтыми линиями. Кое-где, правда, уже намечены двери и окна, но в большинстве случаев – просто обводка, указывающая, что данное место кем-то застолблено. Для проживания это, конечно, значения не имеет. Жить можно и непосредственно в пустоте, ничем ее конкретно не ограничивая. Но такова, видимо, психология человека: укрыться, хоть ненадолго, от посторонних глаз, спрятаться, заслониться, отгородиться стенами. Чтоб ни одна собака тебя не могла достать.

Мальвина останавливается перед самым последним строением. Это просто эскиз, к нему даже тропинка не подведена. Дверь все же намечена – тусклым, безразличным прямоугольником, и почему-то намечен квадрат окна, расположенного под самой крышей. Любопытно, зачем Дудиле окно? Вокруг – бездна, взгляд не на чем задержать. Все-таки, обитая в центре, от этого отвыкаешь. Забываешь про адский провал, не имеющий ни дна, ни краев. Так, наверное, выглядят окрестности преисподней. Замирает сердце, кружится голова. Кажется, что вокруг не воздух, а смертный настой.

– Ну что? – нетерпеливо интересуется Кэп.

Мальвина взмахивает ресницами:

– На вызов не отвечает.

– Давай я попробую.

– Нет, подожди, подожди!..

Она поднимает перед собою ладонь. Как-то ее поворачивает, и на мякоти проступает клавиатура. Мальвина тычет в нее указательным пальцем:

– Выходи, Леопольд, подлый трус!..

По-моему, совсем не смешно. Голос у Мальвины такой, как будто она сейчас закричит. Однако это, по-видимому, и срабатывает. Дверь открывается, возникает на пороге Дудила. По первому впечатлению, он нисколько не изменился – все те же уныние, грусть, как у ослика, заблудившегося в лесу. Собственно, это ослик и есть: аватара Дудилы сделана по образцу известной мультипликации. Печаль распространяется от продолговатых выпуклых глаз, от громадного носа, на самом конце которого помечены точки ноздрей, от ушей, стоящих торчком, от вытянутой серой физиономии.

– Говорят, ты продал свой дом Коккеру?

Дудила не произносит ни слова. Он просто топчется в желтом контуре, обозначающем дверь. Его продолговатая голова свешивается все ниже и ниже, а глаза, как туманом, подергиваются жалостливой дымчатой влагой. Наконец, он печально вздыхает, приподнимая плечи, и, несмотря на критичность момента, я не могу не отметить качество его аватары. Классная все-таки у Додика аватара. Даже ноздри при вздохе немного расширяются и дрожат. Ни у кого, наверное, такой аватары нет. Что, впрочем, не удивительно: Дудила живет здесь чуть ли не дольше всех.

– У меня трудности на Земле, – скорбно говорит он.

Плоские ресницы моргают. Уши тряпочными ремнями покачиваются над головой.

Дудила разводит руки и после паузы добавляет.

– Вот так…

А затем поворачивается и уходит внутрь дома.

Тьма смыкается за ним, как вода.

Ну что тут скажешь?

Трудности на Земле бывают почти у всех. У меня что ли на Земле трудностей нет? На то она и Земля, чтобы создавать трудности.

Правда, это не означает, что их надо тащить сюда.

– Вот дур-р-рак, – с чувством произносит Мальвина.

– Да уж, поехал совсем… – неохотно соглашается Кэп.

Чубакка тихо рычит.

Мы не знаем, что делать дальше.

Так и стоять, как цуцики, среди пустоты?

Все, впрочем, решается само собой.

Контуры дома вдруг начинают мелко дрожать, расплываются, утрачивают объем, распадаются на тусклые световые штрихи. Те в свою очередь сыплются вниз как искры. Одно-два мгновения, и вместо дома обнаруживается черный провал. Границы города отступают метров на пятьдесят.

– Ах!.. – восклицает Мальвина.

Мы все понимаем, что это значит.

Это значит, что Дудила сюда уже не вернется.

Потом мы с Квинтой еще немного сидим на краю. Мальвина голосом, в котором посверкивает углеродная сталь, заявляет, что она сегодня же отыщет Альберта. Хочет он этого или не хочет, нравится ему или нет, а порядок в городе пусть наведет. Что, черт побери, у нас происходит?! Кэп с Чубаккой тоже решают, что им надо бы вернуться к своим делам. Их ждет «Мальчик». Как раз сегодня они собирались отцентрировать дальномер. Ни хрена он пока не центрируется. С оптикой, как они объясняют, вообще полный завал… А мы с Квинтой сворачиваем в боковой переулок, как две тени, бесплотно, не касаясь друг друга, неторопливо следуем по нему, и в расширенной его части, которая далее, видимо, будет преобразована в сквер, обнаруживаем крохотный трамвайный вагончик.

Заметив нас, он освещается изнутри и приветливо тренькает, показывая, что готов работать.

Вагончик привозит нас на Фонарную улицу. По дороге Квинта молчит, лишь упорно, будто заучивая наизусть, вглядывается в строения за стеклом. В таком состоянии ее лучше не трогать, и я тоже молчу, впитывая прозрачную тишину.

Этот район был освоен одним из первых. Дома здесь реальны, в них чувствуется прочная вещественность бытия. Заметны кое-где даже трещины на штукатурке, и в каждом доме, скрадывая темноту, горят два-три ярких окна. Причем это не какой-нибудь там наспех нарисованный свет, сделанный за двадцать минут в режиме автоматического изображения, а – настоящий, еле слышно подрагивающий, подразумевающий глубину, полный электричества, дышащий квартирным теплом. От него тянутся длинные отблески по брусчатке. В общем, здешние разработчики молодцы. Представляю, сколько это заняло у них сил и времени. Зато улица действительно как живая. Месяца четыре назад вдоль нее появились настоящие фонари. Тоже, надо сказать, прекрасная эмуляция: толстый, чугунный, до второго этажа, кованый завиток и граненый ромбик под ним, поблескивающий фигурным

стеклом. Правда, в гранях ромбика пока – пустота. Гладь стекла отражает лишь немотное безлюдье пространства. Ну, это понятно: согласовывать освещение по всей улице – чудовищная морока, каждую тень надо по отдельности прорисовывать, каждый выступ, каждую крохотную щербинку. Ничего, я думаю, со временем изобразят.

Квинту даже фонари нынче не радуют. Она все так же молчит, стискивая оконный поручень. И лишь когда вагончик притормаживает в конце улицы, она, спрыгивая со ступеньки, негромко спрашивает:

– А ты заметил, что на площади не было ни одного эльфа? Платоша был, Кэп с Чубаккой примчались, как только услышали, музыкантов наших я тоже видела, программистов, художников, кое-кого из ремесленного квартала. Мальвина – и та, заметь, время нашла. А от эльфов – ни единого человека. Вот за что я их не люблю. С одной стороны, они как бы с нами, с другой – как бы отдельно от всех. У эльфов обязательно так. Никогда не знаешь, чего от них ждать.

Я вспоминаю, что эльфов на площади действительно не было.

– Ну… Альманзор, вероятно, сейчас советуется с общиной. У них ведь правило: сначала обсудить вопрос между собой. Давай подождем. Думаю, что уже завтра эльфы что-то решат.

– Нет-нет, – быстро говорит Квинта. – Я знаю: на эльфов полагаться нельзя. Что – Альманзор? Альманзор у них – не царь и не бог. Альманзор опять скажет, что «эльфы не вмешиваются в дела людей».

На это мне возразить нечего. Эльфы с подобными заявлениями выступали уже не раз. Тем более что у Квинты с эльфами особые отношения. Я помню, как Альманзор посматривал на нее, когда мы были у них. Так смотрят, только если имеется некий подтекст.

Совместное прошлое, например.

Впрочем, эту тему лучше не поднимать.

Мы доходим до края брусчатки и, свесив ноги, усаживаемся на нее. Между прочим, действие не такое простое, как может показаться со стороны. Обычно что-то одно: либо ты в пустоте ходишь, ступая как на асфальт, и тогда, разумеется, сесть, свесить вниз ноги нельзя, либо свешивай сколько хочешь, пожалуйста, но тогда есть риск, что провалишься при первом же неосторожном шаге за твердь.

Полетишь вверх тормашками, не в силах затормозить.

Очухаешься уже на Земле.

Таков закон восприятия.

Либо воздух, либо асфальт.

Мы с Квинтой можем и то и другое.

– Теперь все будет иначе, – сдавленно говорит она. – Это как плесень: если уж пятнышки появились, то от них никакими мерами не избавиться. Они так и будут неумолимо просачиваться сюда – сквозь мелкие щели, сквозь разногласия, сквозь наши слабости. В конце концов покроют собой весь мир… Куда нам бежать в этот раз?..

– Никуда, – отвечаю я. – Вот увидишь, мы останемся здесь.

Вокруг нас – черная бездна. Я притягиваю Квинту к себе и осторожно целую. Губы у нее в самом деле горячие, у них вкус той любви, которую предугадываешь во сне. А когда я, чуть осмелев, прижимаю Квинту сильнее, то опять чувствую исходящее от нее человеческое тепло. Значит, мне это не показалось. Аватара ее действительно понемногу подстраивается. Я слегка обмираю от необыкновенного ощущения, а когда мы, вынужденные вздохнуть, наконец отрываемся друг от друга, Квинта смотрит на меня так, будто надо мной просиял нимб.

– Что случилось?

– Ты улыбаешься, – говорит она.

– В самом деле?

– Да… честное слово!..

Значит, у меня аватара тоже подстраивается.

Это хороший признак.

– А ты – плачешь, – смущенно говорю я.

У нее из-под век выползает на щеку крупная серебряная слеза.

Невыносимо блестит.

– Конечно… Мы больше не сможем здесь жить…

Квинта встряхивает головой.

Слеза срывается со щеки и пронзительной искрой летит в темноту.

Уже через секунду ее не видно.

Теперь она будет лететь в одиночестве – миллионы лет…

2

Ночью меня будит кряканье вызова. Оно вторгается в мозг и пережевывает его до тех пор, пока я, чертыхаясь, не включаю линию связи.

Вызывает меня Обермайер. Глаза у него сумасшедшие, а редкий ежик на голове серебрится, как будто сбрызнутый светом луны.

Хотя никакой луны в городе, разумеется, нет.

– Я видел гремлина, – сообщает он.

Сон с меня сразу слетает.

– Ну – повтори, повтори!..

Обермайер медленно опускает и поднимает веки. Он делает так всегда в минуты сильного напряжения.

Голос у него тоже – скрипучий.

– Повторяю: видел собственными глазами… Неподалеку от Трех Тополей… Ты придешь?..

– Через десять минут, – отвечаю я.

Сна уже окончательно нет. Я лишь трясу головой. Неужели гремлины действительно существуют? До сих пор мы довольствовались только набором слухов, легенд, коллекцией сплетен, которые, как считает Платоша, зарождаются из ничего. Якобы кто-то где-то, естественно в полночь, заметил выглядывающую из-за угла страшноватую тень. Якобы – ведьму с птичьими кривыми когтями. Правда, когда отважился подойти, там уже ничего не было. Или четверо рокеров, возвращавшиеся под утро с очередного сейшена, видели сгорбленного урода, карабкающегося, как таракан, по отвесной стене. Рассказывали, что урод даже обернулся и злобно пискнул. Правда, подтвердить свой рассказ они опять-таки не смогли. Или один из туристов, зачем-то бродивший ночью, пожаловался потом, что его укусило некое мохнатое существо, имеющее громадные уши и огненные, пылающие во тьме глаза. Он из-за этого целую неделю болел. Были, кстати, и некоторые косвенные следы: поцарапанная штукатурка на двух-трех домах, погрызы, как от острых зубов, на дверях и воротах, выбитое однажды стекло трамвайчика. А, например, Аспарагус, с которым я был немного знаком, недавно выложил в блог очередную сенсацию: якобы у него дома был полтергейст, мебель сдвинута, шторы сорваны и брошены на пол, постель смята, будто на ней кто-то валялся. Это притом, что в квартиру не мог войти никто, кроме него.

Сообщение комментировали иронически. Аспарагусу в основном советовали меньше употреблять. А если уж перебрал, сидеть на Земле.

Но то – Аспарагус.

Джефф Обермайер, знаете, это совсем другой разговор.

На всякий случай я беру с собой меч. Это, конечно, глупо – чем может помочь красивая никелированная игрушка? Разве что слегка кого-нибудь напугать. Меч, однако, довольно длинный, тяжелый, с острым сужающимся концом, которым при случае можно и ткнуть. Как бы там ни было, но с мечом я ощущаю себя гораздо увереннее.

Обермайер действительно ждет меня у Трех Тополей.

Это там, где Безымянная улица заканчивается Глухим тупиком. Место, надо сказать, не очень приветливое: каменная стена, огораживающая границу квартала ремесленников, задники четырех домов, которые хозяева поленились доделывать. Ни одного светящегося окна, ни одной двери, которая показывала бы, что здесь кто-то живет. А названо оно так, потому что в свое время тот же Дудила вдруг загорелся энтузиазмом и «высадил» на углу сразу три дерева. Аль его честно предупреждал, что из этого ничего не получится: мощности сервера недостаточно, чтобы поддерживать сложную динамическую конфигурацию. Надо либо использовать модель типа «мультяшка», уплощенный рисунок, фактически – простой аппликат, либо писать и встраивать в данный участок совершенно самостоятельную утилиту. То есть именно то, чем я занимаюсь последние дни. Но разве Дудилу переубедишь? Дудила унылый-унылый, но если уж что-то втемяшилось, его не собьешь. Вот и чернеют теперь на перекрестке три мертвых веника, три подагрических древесных скелета, как будто сожженные молнией. Ни листика на них, ни движения. Сучья раскинуты в стороны, точно от внутренней боли. Некоторым, кстати говоря, нравится. В блогах неоднократно высказывались, что это придает месту колдовской колорит.

Так или иначе, я вздрагиваю, когда от одного из бугристых стволов темным призраком отделяется Обермайер и, сделав три легких шага, перегораживает мне дорогу.

Он по-прежнему без берета. И его жесткий ежик по-прежнему отливает старческим серебром. И глаза у него по-прежнему расширенные, сумасшедшие, словно он знает то, чего не знает никто.

– Ну что, идем?

Я нервно пожимаю плечами.

Это только считается, что тупик тут абсолютно глухой. На самом деле в конце его, между домами, наличествует узкая щель. Двум встречным здесь разойтись трудновато, но если все же протиснуться, то попадаешь в сутолоку ремесленного квартала: вытянутые дворы, продолжающиеся один в другой, неожиданные повороты, за которыми открываются мелкие лавочки и мастерские. Непривычная в городе теснота, впечатление средневековья. Так и кажется, что сейчас вынырнут откуда-нибудь солдаты в кирасах.

– Здесь, – останавливаясь, говорит Обермайер.

Я лишь теперь замечаю, что в руках у него – тонкая никелированная цепочка, соединяющая между собой несколько шариков.

Вот те раз!

Оказывается, Обермайер ходит с нунчаками.

Мы напряженно вглядываемся в темноту. Впрочем, темнота эта, по сравнению с темнотой на Земле, весьма относительная. В городе и ночью все видно так, как будто он чуть-чуть озарен изнутри, как будто его просвечивает, вырисовывая детали, некий рентген. Аль утверждает, что это самопроизвольная адаптация: программа подстраивается под то, чего мы хотим. Мы хотим видеть ночью – значит мы будем видеть. А если не захотим – встанет непроницаемый мрак. Так или иначе, сумерки здесь необыкновенно прозрачны – я различаю даже блеск медных заклепок на ближнем строении. И не лень было хозяину их набивать? А если уж говорить о более далеких координатах, то прекрасно виден купол Стеклянной ротонды в квартале эльфов. Он так и переливается в пустоте. И отлично видна башня с часами, которые показывают сейчас половину четвертого.

В общем, все, кроме гремлина.

– Н-да…

Обермайер заметно обескуражен. Он скребет ногтем череп, так что слышен шероховатый прерывистый звук, сворачивает нунчаки, которые, блеснув в воздухе, наматываются ему на ладонь, достает из заднего кармана берет и, как панаму, натягивает его по самые уши.

– Н-да… Вроде бы сюда поскакал…

Я дипломатично молчу. Искать гремлина здесь – занятие совершенно бессмысленное. Он может часами прятаться между лавочками, мастерскими, перебегать по дворикам, прошмыгивать у нас за спиной.

Нечего и пытаться.

– Что ж… Тогда – извини…

На всякий случай мы пересекаем квартал. В проулочках, в щелях его, в закутках царит сумеречная тишина. Никаким гремлином, разумеется, и не пахнет. И лично я думаю, что в действительности никаких гремлинов в городе нет. Платоша тут безусловно прав. Это только легенды, фантомы, рожденные нашим коллективным сознанием, нашим страхом перед бесплотной, черной, всепоглощающей пустотой, перед нечеловеческой тьмой, которая нас окружает. Ведь невозможно жить на пленочке бытия, нельзя беззаботно, на тающей паутинке, кружась лететь в никуда. Ведь это даже не космос, к которому мы привыкли за миллионы лет, просто – бездна, ничто, развоплощенная экзистенция. Возможно, эманация смерти, как это однажды определил тот же Платоша. И что тогда? От смерти на паутинке не улетишь.

Эти мысли вгоняют меня в депрессию. Я хочу вернуться домой, лечь в постель, натянуть на голову одеяло. Будет день – все как-нибудь образуется. Хорошо еще Обермайер буквально через минуту приходит в себя и произносит страстную речь о том, что давно пора организовать в городе постоянные ночные дежурства. Триста лбов зарегистрировано у нас на данный момент. Три взвода, целую роту можно сформировать. А по ночам выползает всякая нечисть. Свободные граждане, кабальеро, ну – разгильдяи, каких поискать!..

Он распространяется на эту тему довольно долго. Не знаю, кем уж является Джефф Обермайер там, на Земле, но то, что он имеет военный опыт, сомнению не подлежит.

Может быть, даже где-нибудь воевал.

Я отвечаю ему:

– Завтра будет Большой Чат – можешь внести предложение…

– Большой Чат?

– Ну да, ты разве извещения не получал?

Обермайер резко поворачивается ко мне. Вероятно, за тем, чтобы высказать свое мнение о Большом Чате. Мне это мнение, впрочем, давно известно. И вдруг – приседает, выставляя ладони, готовый принять удар.

Вот он – гремлин!

Мы к тому времени уже покидаем квартал ремесленников. Теперь перед нами – две сонных улицы, расходящиеся под острым углом. Одна из них, как я помню, завершается у Эльфийских ворот, а другая, пошире, метров через четыреста обрывается в никуда. Тот участок города еще не застроен. Дом же, который они обтекают, образован крыльями флигелей, поставленных встык. Между ними, естественно, сгущается темнота, и я вижу, как из нее выдвигается уродливая опасная тень.

Гремлин оказывается крупнее, чем я ожидал. Вместе с раковинами ушей, оттопыренными над башкой, он, вероятно, доходит мне до груди. Глаза у него действительно пламенеют как угли, а когда он противно, тоненько верещит, становится виден частокол акульих зубов.

– Берегись!.. – кричит Обермайер.

Дальше все происходит в одно мгновение. Обермайер крякает, распрямляется, взмахивает рукой – никелированные нунчаки, вращаясь, несутся по воздуху.

Шарики их предвещают верную смерть.

Гремлин, впрочем, тоже времени не теряет. Он подбирается точно крыса, как-то весь даже складывается, уминаясь чуть ли не до земли, и вдруг бешено, невероятным прыжком взвивается вверх.

С нунчаками он разминается, видимо, на какие-то сантиметры. Шарики с грохотом впиливаются в твердь каменного фундамента. Сотрясаются, по-моему, оба флигеля. Сыпется на брусчатку сноп пестрых искр.

И в отличие от Обермайера, гремлин отнюдь не промахивается. Челюсти его точно капкан смыкаются на выставленном вперед предплечье. Раздается треск рвущейся ткани. Обермайер отброшен, будто в грудь его ударило каменное ядро. А сам гремлин очень ловко перекатывается через голову, разворачивается и теперь оказывается прямо напротив меня.

Я непроизвольно отмахиваюсь мечом.

И тут происходит что-то не очень понятное.

Если уж гремлин так запросто сшиб Обермайера, то со мной, по идее, он должен бы справиться за пару секунд.

Какой из меня боец?

Клац-клац – и привет.

Однако все складывается не так.

Гремлин опять верещит, демонстрируя частокол страшных зубов, вновь подбирается точно крыса и снова прыгает. Во всяком случае, энергично взвивается вверх. Но там, куда он нацеливается, меня уже нет. За какое-то мгновение до прыжка я делаю быстрый шаг в сторону. Не знаю, как это получается, но я почему-то угадываю его намерения. Причем даже раньше, чем он их успевает осуществить. Итак – шаг в сторону, выпад мечом, острие касается гремлина и порождает в теле его взрыв конвульсий.

Гремлин шмякается на брусчатку, словно мешок с тухлым тряпьем.

Встать он не может – лежит распластанный, будто мышь, скрюченные когтистые лапы подергиваются и колотят по камню.

– Так!.. – кричит Обермайер откуда-то из-за спины.

Синее, электрическое искрение проползает по шерсти. Гремлин судорожно трепещет и на глазах начинает бледнеть. Становится тускло-серым, затем блекло-дымчатым, потом вовсе – полупрозрачным, как болотный туман.

Еще мгновение – и он распадается без следа.

Вот – уже ничего.

Теперь – что там с Обермайером?

Я стремительно оборачиваюсь. Однако Обермайер в порядке. Он уже стоит на ногах, придерживая здоровой рукой лоскут, выдранный из комбинезона. Крови на нем не видно. Хотя какая может быть в аватаре кровь? И, что странно, взирает он не на гремлина, не на меня – расширенными зрачками он упирается в угол флигеля, где едва теплится над самой землей

оранжевое окно.

Обермайеру не хватает воздуха.

– Смотри, – сорванным голосом хрипит он. – Смотри, смотри!.. Дух – вернулся!..

Большой Чат назначают на пятнадцать часов. Это обычная практика чатов, которая сложилась сама собой. Мало кто из свободных граждан может появиться в городе прямо с утра, и поэтому ставить мероприятие на более раннее время просто бессмысленно.

Свободные граждане – птицы вечерние и ночные.

Они вспархивают к небесам лишь тогда, когда их отпускает Земля.

Меня, в частности, она отпускает только по окончании рабочего дня. До шести часов вечера я как раб заключен в прозрачный офисный бокс. Справа от меня – ряд таких же стандартных прозрачных боксов, а слева – окно, чуть ли не вплотную к которому приткнуто унылое индустриальное здание. Оно какое-то из позапрошлого века: серого кирпича, зарешеченное, с пропыленными, очень мутными стеклами. Свет там горит всегда, даже днем. И в надрывной водянистой толще его, как в аквариуме, движутся какие-то тени.

Я, впрочем, и сам как в тесном аквариуме. Непрерывно хочется всплыть, глотнуть свежего воздуха. Однако сделать это удается лишь после семи часов. Входить в город с офисного компьютера слишком рискованно. Не дай бог в фирме отследят внеплановый трафик – потом замучаешься объясняться, рассказывать, что и как.

В общем, к чату я подключаюсь, когда обсуждение уже в разгаре, когда блоги уже кипят, выплескивая неконтролируемые эмоции, когда уже сформированы первые ограничительные бастионы и Платоша, взявший на себя, как обычно, функции модератора, уже заканчивает выделение базисных смысловых позиций.

В настоящий момент образовались четыре четких сенсориума. Они представлены динамическими гистограммами разных цветов.

Первый сенсориум обозначен ником «бойцы». Правда, справка, которая тут же приложена, извещает каждого желающего ее посмотреть, что первоначально Платоша маркировал эту группу как «экстремисты» и только после бурных протестов, указывающих на то, что подобное имя имеет множество отрицательных коннотаций, ник был заменен на другой.

Справка, однако, висит.

И, как я понимаю, делает свое дело.

Платоша – великий хитрец.

А идеологема «бойцов» предельно проста: исключить утилиту Коккера из основной базы данных. Более того – через обратный трафик вычислить его реальный ай-пи и заблокировать номер так, чтобы таможенный сервис отсеивал его автоматически. То есть поступить с Коккером как с перегоревшей лампочкой: вывинтить из патрона, выругаться, выбросить в мусорное ведро. И навсегда про него забыть. Кстати, этот сенсориум имеет почти тридцать процентов поданных голосов.

Ну что тут скажешь? Простые средства всегда кажутся самыми действенными. Сколько раз это уже было: расстрелять, посадить, выслать из страны, заставить молчать. Нет человека – и нет проблемы. И каждый раз выясняется, что этим ничего не решишь. Человека нет, а проблема все равно остается.

Конец ознакомительного фрагмента. Полный текст доступен на www.litres.ru

notes

Сноски